

Книга Бездн

Автор:

Антон Краснов

Книга Бездн

Антон Краснов

Роман Валерьевич Злотников

Леннар #2

Был только один способ спасти население гибнущей планеты Леобея: построить гигантские звездолеты и отправиться на поиски нового мира. За этот проект, названный «Врата в бездну», выступали ученые, чиновники и Леннар, глава Гвардии Разума. Но были и противники – жрецы религии Купола. И случилось худшее: на борту одного звездолета оказались сам предстоятель Купола, наместник Неба Зембер XV, и его приспешники...

«Книга Бездн» – второй роман фантастического цикла «Леннар».

Леннар многое вспомнил. Почти всё. Лагерь его сторонников растёт, авторитет Ревнителей Благолепия уже не столь неоспорим для темных ремесленников и крестьян. Осталось окончательно заручиться поддержкой королевы Энтолинеры, у которой свои счета к Храму. Однако новый Стерегающий Скверну – омм-Гаар – знает, что все следы ведут в Проклятый лес и что сохранить власть Храм сможет, лишь утопив в крови назревающее восстание на земле Арламдора...

Роман Валерьевич Злотников, Антон Краснов

Книга Бездн

Пролог

Что возвращает память...

Леннар поднял тяжелые веки: тонкая в запястье рука, затянутая в эфемерную, легко флуоресцирующую перчатку, касалась его кисти. Пальцы обеих его рук были переплетены в один мощный, судорожно зажатый блок, и в тот момент, когда Ориана коснулась любимого человека, могло показаться, что никакая сила не разомкнет этих до синевы стиснутых пальцев.

– Ты спал? – спросила она.

Он моргнул:

– Что?

– Ты спал, – повторила она, но на этот раз уже с утвердительной интонацией. – Ты спал и разговаривал во сне, ругал Зембера, упоминал Элькана... Ты лежал как мертвый, шевелились только губы, и шло это бормотание... У тебя расстроены нервы. У тебя определенно расстроены нервы, Леннар, и тебе нужно пройти курс...

Он приподнялся на локте и взглянул на нее с неприкрытой досадой.

– О каком курсе ты говоришь? Ты что, девочка, совсем?.. Нет, решительно, это тебе нужно пройти курс какой-нибудь там восстанавливающей нейротерапии, потому что ты говоришь глупости! Ты что, думаешь, что какие-то дурацкие процедуры могут вернуть мне спокойствие? Ориана, девочка моя, только одна вещь может сделать это. Только одна!

Она облизнула губы и, колебавшись, все-таки спросила:

– И... и что же это за вещь?

– Голова Зембера! – воскликнул он. – Голова Зембера, и чтобы – вот здесь, передо мною и всем Советом... голова на блюде из драгоценного дейита, поддержавшего бы его жизнь еще на несколько часов! Чтобы Зембер мог видеть всех, кого он подло обманул. Хотя нет, – его голос стал ниже, появилась незначительная, но все же заметная хрипотца, – хотя нет, всех он увидеть не сможет. Верховный Конструктор проекта Аитор убит, а с ним ушли еще несколько не последних людей в нашем деле... Я был прав. Как я был прав, когда предлагал Зонану оставить нас там, в подземельях Кканоана, но не допускать на борт звездолетов наместника Зембера и его приспешников. Теперь мы расплачиваемся за это...

Ориана коснулась пальцами его пылающей щеки и промолвила:

– Ты стал другим. В тебе появилось то, чего раньше я не замечала никогда-никогда, – жестокость. Да, Леннар, милый, даже и не спорь... Я знаю, что я права.

– А я и не спорю, – после короткой паузы ответил он. – Жестокость... В моем ведении Гвардия Разума, призванная защитить нас от жрецов Купола и всего, что они с собой несут. Жестокость! Нет, напротив, – наверное, я был недостаточно тверд и, если хочешь, недостаточно жесток, если позволил произойти всему этому.

– Но кто же знал?! – сложив руки на груди, воскликнула Ориана. – Кто же знал, что вскоре после отправления звездолетов с Леобеи, гибнущей Леобеи... начнется вот это... все это? Кто же мог предугадать, что Зембер, который взошел на борт корабля таким униженным и подавленным, вдруг сумеет привлечь на свою сторону большое количество сторонников? Да еще из числа тех, кто активно участвовал в проекте «Врата в бездну»... простых строителей и еще многих... многих... – Леннар хотел перебить ее, но она, сразу же угадав его намерение, зажала ему рот рукой и продолжала: – Кто знал, что он взял с собой на борт этот проклятый амиацин, пятую трансмутацию, которая неизвестна у нас в Алтурии и в других государствах, не исповедующих ортодоксальную религию Купола? И кто мог подумать, что он применит это биологическое оружие тут, в замкнутом пространстве корабля, где все жизненные циклы обеднены?.. Кто знал, что разразившаяся эпидемия будет выкашивать людей и что только те, кто примыкает к Земберу и первому помощнику, этому тощему Эльль-Гаару... только те и выживают? Наверное, они получают антидот...

– В том, что Земберу удалось доставить на борт корабля амиацин пятого поколения, виноват прежде всего я, – сказал Леннар. – И я же виноват в том, что не отследил, как в Кканоане была успешно осуществлена трансмутация препарата пятого поколения... У нас нет противоядия. Мы все будем инфицированы или уже инфицированы, потому что жизненное пространство ограничено... ты сама понимаешь, рано или поздно мы все будем поражены, и нет спасения... кроме как прийти к животворящему Земберу, точнее – приползти на коленях!.. И получить из рук пастыря спасение, противоядие. И – тем самым признать истинность его власти и его учения. Вот так!.. Из трехсот тысяч человек, что находились на борту нашего звездолета на момент старта, двести тысяч уже не с нами, а под опекой Зембера и Купола, который он представляет тут, в Дальнем Небе!.. Еще пятьдесят тысяч умерли, убиты, а те, кто пока на нашей стороне, уже поражены неверием и размышляют, не податься ли с повинной к Земберу на уровень, который он уже объявил территорией Чистоты и где уже набирает Ревнителю из числа новообращенных! Мы можем рассчитывать от силы на пятнадцать – двадцать тысяч человек, правда, здесь все лучшие...

– Но почему не связаться с другими кораблями?

– А ты не знаешь? После прыжка мы вынырнули из нуль-пространства в совершенном одиночестве. Остальных, верно, разбросало по мирам, о существовании которых мы сейчас и не догадываемся, – угрюмо проговорил глава Гвардии Разума. – Связаться с другими звездолетами... Думаешь, мы не пытались? Нет. Космическое пространство вокруг нас совершенно мертво. Нам не на кого рассчитывать, кроме как на самих себя, Ориана...

Он осекся и, вдруг подавшись вперед, едва не упал от внезапного приступа головокружения. Перед глазами поплыли серые мерцающие пятна, обведенные ядовитыми желтыми ободками. Ориана произнесла:

– Ты... ты не выспался...

Но по глазам и по искривившимся губам девушки было видно, что она совершенно не верит собственным словам, хотя и страстно желает, пытается поверить в них!..

«Конечно, – подумал он, – я не выспался... Головокружение, пятна перед глазами. Не выспался... Потом станут отниматься руки и ноги. Принятая пища будет извергаться через малый промежуток времени после трапезы. Начнется удушье: станут отказывать легкие. Сердце то будет бешено колотиться, то замирать, биться вдвое медленнее нормы... Потом – зловонные пятна на коже, истончение костей, которые вскоре начинают ломаться при ходьбе или ином не самом значительном усилии... Галлюцинации, безумие и тьма... Муки, на фоне которых медленное выдавливание глаз или отрезание гениталий тупым ножом кажется удовольствием, сладостной негой... Я инфицирован, милая! Через несколько дней от не самого слабого в этом мире человека останется только гнилой остов, откуда уйдет жизнь. А потом и он, этот остов, развалится к демонам!..»

Она смотрела на него, и ее лицо все более бледнело. Леннар вдруг сел на своем ложе и с силой ударил себя кулаком по колену. Идиот!.. Как же он мог забыть?! Ориана, прекрасно разбирающаяся в тонкостях парапсихологии... она попросту прочитала его мысли, как будто он высказывал вслух все эти чудовищные истины!

– «А потом и он, этот остов, развалится к демонам», – повторила она последнюю произнесенную им про себя фразу, чем подтвердила все худшие его опасения. – Я же не дуручка, мой милый. Я вижу, все вижу и понимаю. У тебя есть только один шанс выжить и спасти всех...

– А нужно ли? – внезапно перебил он. – Эти люди сами выбрали себе судьбу. Тающая горстка наших соратников – вымирающее племя, которому, как оказалось, нет места... Ты, конечно, хотела предложить напасть на Зембера и вырвать у него антидот! Думаешь, мне это не приходило в голову? Есть еще более радикальное средство: пока мы всё еще контролируем двигательные системы звездолета, мы можем взорвать его... Вот тогда – действительно конец. Признаюсь, в отдельные моменты я думал и об этом.

– Ты уверен в том, что инфицирован амиацином-пять?

– Да.

– Тогда и я?..

– Женщины дольше сопротивляются действию яда, были даже случаи самопроизвольного выздоровления. Наверное, потому, что амиацин пятого поколения рассчитан на поражение сильного пола.

– Ты не ответил.

Леннар покачал головой. Собственно, Ориана и не нуждалась в ответе: амиациноз распространяется всеми мыслимыми путями, в том числе и воздушно-капельным... Глава Гвардии Разума поднялся во весь рост, пригладил волосы на висках и произнес:

– Так. Мне пора на Совет. Сегодня будем решать текущие вопросы. Ожидается доклад Элькана и голосование по предложению Зонана, Первого Координатора.

– Зонан, кажется, предложил... предложил сформировать «группу смерти» на базе твоих гвардейцев?.. Для уничтожения Зембера с применением любого оружия?..

– Да. Я думаю, это предложение примут. Главное, чтобы при этой операции не были повреждены системы жизнеобеспечения корабля и блоки климат-контроля. Если будет серьезная авария...

– Я знаю, знаю. Ведь я тоже могу пойти на Совет?..

– Да. Ты, если не забыла, имеешь право совещательного голоса...

Заседание Совета сопротивления, в который входили преимущественно руководители проекта «Врата в бездну», состоялось в зале Снов. Это поэтическое название зал получил за то, что изначально он проектировался как огромная спальня для сменившихся с дежурства навигаторов, управляющих звездолетом. Но последние события показали, что теперь не до снов, и роскошные восстановительные капсулы были демонтированы и отправлены на склад. Теперь в зале Снов – как в одном из самых защищенных помещений громадного звездолета – заседали руководители проекта, преданные благотворящим Зембером.

...Фигура Первого Координатора Зонана на фоне громадных экранов за его спиной казалась крошечной, но надтреснутый голос гулко разносился на весь зал и гремел под сводами:

– ...Вы все помните, что я последним ратовал за любую форму насилия, за любое применение оружия! Я не раз сдерживал Леннара, возглавляющего Гвардию Разума, превыше всего для меня стояла жизнь, человеческая жизнь! Но сейчас... сейчас я уверен, что настало время прибегнуть к самым жестоким мерам, быть может, мы даже запоздали с этими мерами!..

Время от времени на боковом экране появлялось лицо оратора, увеличенное в добрых два десятка раз, и без труда можно было разглядеть и черные тени под глазами, и желтизну западающих губ, и характерное дрожание нижней челюсти... Говоря, Зонан сжимал руками горло, регулируя таким незамысловатым способом голосовые связки – иначе изо рта бы его вырывались только бульканье, треск и шипение, но никак не осмысленная, членораздельная речь. Неудивительно: Зонан был на куда более поздней стадии заболевания, чем большинство присутствующих. Тех, кто не инфицирован биологическим оружием Зембера, легко было узнать по тоненькой, почти невидимой маске, прикрывавшей лицо, и по темным плащам, наглухо драпировавшим фигуры – так, что невозможно определить, мужчина или женщина скрывается под этим плащом.

– В конце концов, – хрипя, продолжал Зонан, – у нас есть шанс найти противоядие. Вам всем известно, что в светских государствах, противостоявших блоку Лиракского пояса, велись встречные разработки биологического оружия – чтобы суметь нейтрализовать амиацин любого из четырех поколений. Но в Кканоане провели пятую трансмутацию, а мы были слишком заняты проектом «Врата в бездну», чтобы получить антидот и к этому яду. Теперь мы не можем подобрать код противодействия: слишком много вариантов пришлось бы перебрать, а времени у нас мало... совсем мало...

...Времени у Первого Координатора Зонана было еще меньше, чем он предполагал. Проговорив, точнее, прохрипев последние слова, он пошатнулся, а потом вдруг грянулся вниз головой с возвышения, на котором произносил свою пылкую речь.

И остался недвижим.

Нет, никто не вскочил, не бросился к Первому Координатору, не подал голоса; легкий гул, похожий на далекий шум прибора, пролетел по залу – и только. Леннар поднялся и произнес:

– Я думаю, Зонан не мог бы найти лучшего доказательства того, что он совершенно прав. Я поддерживаю его. Если Совет утвердит, готов немедленно взяться за формирование миссии и лично возглавить ее.

– А у меня есть другое предложение.

Леннар оглянулся. Со своего места поднялся Элькан и смотрел неподвижно на руководителя Гвардии Разума. Массивное лицо ученого, лауреата знаменитой Мировой премии Яуруса, было бледным, скулы окаменели. Все ожидали, что скажет Элькан.

– Я должен был делать доклад, – проговорил тот, – но теперь, когда Зонан... Я хочу сказать, что вина за происходящее должна лежать на мне. Потому что именно за мной была направлена миссия Гвардии Разума – туда, на Кканоанское плато. И из-за меня попали в плен к Земберу сам Леннар и еще Ориана... Что было дальше, известно всем. И потому я предлагаю свой рецепт спасения. Он не столь радикален, как предложение Зонана, не так безогляден, как речь Леннара... Но это – выход. Оглянитесь вокруг. Помещение, где мы находимся, – это зал Снов...

– Ну и что?! – выкрикнул кто-то.

– Всем нам известно, что у этого помещения один из самых высоких индексов защиты. Я предлагаю использовать зал Снов по назначению, но с рядом изменений. Дело в том, что я знаю, как нейтрализовать амиацин-пять без установления кода... кода противодействия. Конечно, вам известно, сколько времени проходит от момента инфицирования до... до смерти?

– Я не понимаю, какое все это имеет отношение к предложению Зонана, – выделился из общего гула чей-то ломкий голос.

– Конечно, почтенный Элькан чрезвычайно уважаемый человек и к тому же ученый с всепланетным именем...

– Не будем о всепланетном, – звучно перебил Элькан. – Не надо об этом, ведь мы давно уже не на Леобее. Всем вам известно, что амиацин – великолепная комбинация синтетических материалов и геномодифицированного вируса. Вирус, как и всякая живая материя, развивается, и в процессе развития этого вируса гибнет... гибнет любой организм. Стадии развития вируса мне хорошо известны. Можно замедлить цикл развития биологической составляющей амиацина. Амиацин подвержен энтропии, то есть безвозвратной потере энергии...

– К чему все это? – солидно проговорил, вставая во весь свой могучий рост, Торгол из Свон-до-Крамма, Генеральный Инженер и глава Транспортной линии проекта. – Элькан, потрудитесь...

– Уже подхожу к сути, уважаемый! Мне удалось вычислить срок, за который амиацин распадается в организме, не оставляя последствий. Для того чтобы нейтрализовать вирус, нужно затормозить все обменные процессы, свести их практически к нулю... Собственно, именно это происходит во время сна, для которого предназначены капсулы, удаленные из этого зала...

– Я так понимаю, вы предлагаете применить восстановительные капсулы для того, чтобы погасить действие яда, – внушительно сказал Торгол. – И каков же срок?.. Тот срок, за который в организме, где остановлены все обменные процессы, распадется амиацин-пять?

Элькан, чуть помедлив, ответил:

– По леобейскому времяисчислению – около восьмисот лет.

– Что?! – воскликнули тут и там, и один за другим члены Совета сопротивления стали вскакивать на ноги. – То есть!..

– То есть, – дальше говорил один Торгол, – вы хотите сказать, что намерены бороться с действием амиацина вот таким образом – погружением в полный анабиоз, в эдакий искусственно спровоцированный коллапс?.. Во-первых, нет технологии, позволяющей поддерживать жизнь в организме в течение столь длительного времени, ну а во-вторых, и это самое главное, у нас нет и восьмисот часов, не говоря уж о восьми сотнях лет!

– Не торопитесь отвергать мое предложение, – сказал Элькан. – Оно не так абсурдно, как вы полагаете. Я понимаю, что силовые методы сейчас смотрятся более соблазнительно, более приемлемо. Но, уважаемые члены Совета...

Он не договорил. Пространство зала Снов внезапно рассек резкий, отточенный, как лезвие, звук, он разросся, отяжелел, а потом вдруг взвился до пронзительного свиста. Некоторые из присутствующих схватились за виски. На огромных экранах промелькнули косые белые молнии, а потом из наплывшей на них тьмы медленно выдавился транспортный портал уровня. Метнулись чьи-то перекошенные лица, потом мелькнула беззвучная желтая вспышка, другая... Леннар медленно опустился на свое место и почувствовал, как на его запястье смыкаются пальцы подошедшей Орианы.

– Да, – ответил он на ее не заданный вслух вопрос, – они решили напасть первыми. Зембер посчитал, что у него хватит сил взять звездолет под полный контроль. Видишь, там, в нижней панели экрана, несколько пульсирующих красных столбиков?.. Их количество соответствует числу транспортных лифтов, которые мы уже не контролируем. Входы и выходы, каналы проникновения в... Я!.. – вдруг возвысил он голос, вскакивая на ноги и разрывая кольцо девичьих пальцев. – Я беру командование на себя!..

– Леннар!.. – коснулся слуха голос Орианы.

Леннар скосил на нее глаза...

И тут...

Ее лицо вдруг страшно искривилось, рот разорвался в беззвучном крике, а глаза поплыли, затуманиваясь и становясь огромными, темными впадинами. Леннар хотел что-то сказать, но губы слиплись, мучительно пересохли, язык не желал ворочаться... На том месте, где только что была Ориана, вздулось синее, с голубыми, желтыми и ядовито-зелеными прожилками пламя, задрожало, завибрировало и вдруг замерло, как хищный зверь перед гибельным прыжком. Леннар заворуженно смотрел на пламя. Ему почудилось, что из огня вылетают тонкие руки Орианы, он прынул навстречу – и тотчас огонь, одним неуловимым движением сожрав расстояние между собой и Леннаром, охватил главу Гвардии Разума.

Леннар закричал от непереносимой боли, заполнившей каждую клеточку его тела, и...

...проснулся.

– Вы что?.. – прозвучал женский голос, и там, откуда он доносился, возникла молодая королева в скромном, не по положению, сером платье.

Энтолинера, идентифицировал мозг Леннара. Остатки видения еще ворочались в голове, и Леннар попытался отвлечься от проплывающих перед глазами картин того, что возвращала ему память. Впервые он вспомнил так остро и доподлинно, хотя многое, очень многое из прошлого уже было известно этому омраченному человеку...

Глава 1

– Насколько я понимаю, наш путь лежит в Проклятый лес.

– Вы догадливы, Ваше Величество.

– А тут не надо быть семи пядей во лбу, чтобы догадаться. И перестаньте хлестать меня «Вашим Величеством». Я же не называю вас, Леннар, всеми теми титулами, которые прикладывает к вашему имени Храм! А они все преимущественно бранного содержания, мне было бы куда менее приятно именовать вас... с применением всех титулов. Типа «отродья Илдыза»...

Леннар рассмеялся, открыв тесно посаженные белые зубы:

– Преимущественно? Боюсь, что все – бранного. И как же прикажете вас называть, ва... ве... мм?..

– У меня имя есть. Энтолинера, если у вас такая короткая память.

– Энтолинера, – повторил Леннар и быстро оглянулся, туда, где на сером осле покачивался альд Каллиера.

Этот последний, если судить по выражению его лица, был чрезвычайно недоволен тем, как коротко королева сошлась с новым знакомым. Пусть даже таким, чье имя гремело на весь Арламдор, просачивалось в Нижние земли, воспаряло в Верхнее королевство и повсюду выбивало из каменной громады Храма Благолепия звонкие искры злобы, усиленной непривычным для всемогущих Ревнителей осознанием собственной беспомощности. Короткорукости, если возможно употребить столь приземленный термин в отношении священного клира.

– Хорошо, Энтолинера, я буду вас так называть.

Королева усмехнулась... Надо отметить, что в этот момент она совсем не выглядела, как королева. На ней было простое дорожное платье темных тонов, из обыкновенной ткани. Такие платья надевали, скажем, жены купцов или вообще женщины, которым приходилось выезжать по дорожной надобности. Охрана королевы тоже сняла свои расшитые синие мундиры с черно-синими клетчатыми беллонскими накидками, известными всей стране, и облачилась в обычные штаны, куртки и сапоги.

Альд Каллиера пошел на страшную жертву: чтобы не привлекать к себе внимания (все-таки известное лицо, могут узнать на той же заставе на выезде из города или таможенном контроле), он сбрил свои пышные усы и остриг кудри. Те самые кудри, по которым страдала добрая половина знатных дам Ланкарнака всех возрастов, наклоностей и степеней стервозности. Если его сейчас мог бы увидеть отец, альдманн Каллиар, владелец самого большого озера в Беллоне, он, наверное, не узнал бы сына. А если узнал бы, то, самое малое, – отдал приказ своим тунам задать отпрыску хорошую взбучку. Беллонский мужчина с чисто выбритым, голым лицом – это то же самое, что беллонская женщина с, скажем, бесстыдно обнаженной грудью.

Впрочем, в ближайшее время альд Каллиера не имел намерений навестить родные земли, так что и кудри и усы еще успеют отрасти... Но в настоящий момент настроение благородного альда было хуже некуда. Его раздражало решительно все: его собственные гвардейцы, переодетые в барахло городских обывателей, королева в не подобающем ее положению простом платье; его раздражал Леннар и сама цель поездки, туманная и одновременно опасная,

как... берега его родных озер, что ли!..

Единственное, что могло бы развеять дурное настроение аэрга, – это хорошая драчка. Неважно с кем, думал Каллиера... Да хоть с Ревнителями! Значит, именно они, братья ордена, – лучшие бойцы в пределах этого мира, созданного светлым Ааааму?.. Значит, именно они, воспитанные в стенах Храма, а вовсе не закаленные сыновья Беллоны, – самые сильные воины? Слова, сказанные там, во дворце Энтолинеры, жгли альду сердце. Он и раньше недолюбливал ланкарнакский Храм и орден Ревнителей (хотя и старался поддерживать с ними сносные отношения), а теперь просто возненавидел. Хотя, как ни странно, на этот раз к подобной перемене сами Ревнители не имели никакого отношения.

Королева, Леннар, Барлар и двое беллонцев из гвардии, одетые как добропорядочные горожане, ехали в дощатом фургоне, запряженном парой здоровенных ослов особой тягловой породы, а еще четверо, включая Каллиеру, путешествовали верхом. Под продовольствием, уложенным в нижней части фургона, – сыром, ветчиной, мехами с вином, копченым мясом в окороках, оливками и фруктами – лежало оружие. Сабли и пики. Альд не желал оказаться безоружным перед лицом возможных неприятностей. «Неприятности» – так мягко сформулировал он то, что могло ожидать их на этом пути.

Обезопасившись таким образом от повышенного внимания – в самом лучшем своем проявлении шепотков «Королева уехала с любовником!..», – путешественники столкнулись с прямо противоположными препонами. Бесспорно, никогда не возникшими бы, путешествуй королева и благородный альд Каллиера открыто.

Уже за городом, на дороге из Ланкарнака в местность, где лежали печальные развалины деревни Куттака и начинался Проклятый лес, их нагнали несколько стражников. Судя по наглым их рожам, они занимались тем, что вежливо именуют «взиманием податей». Так как среди них был храмовый жрец-смотритель, наглость и безнаказанность этих милейших людей достигала величин, достойных лучшего применения. Леннар, который нисколько не сомневался, что на пути от столицы королевства до конечной цели путешествия они напорются на подручных Храма, все-таки помрачнел, когда услышал визгливый голос жреца-смотрителя:

– Эй, там, впереди, на дороге! Придержи-ка своих кляч! Кто такие? Куда едете?

Альд Каллиера уже открыл было рот, но королева Энтолинера, предполагая, что может ответить высокомерный начальник ее гвардии, не слишком-то искушенный в лицедействе, сделала предостерегающий жест рукой.

Жрец-смотритель и двое стражников нагнали фургон и велели остановиться.

– Нам приказано осматривать все повозки, которые движутся по этой дороге! – заявил жрец, не вдаваясь в подробности. – Вы не проститутка ли в фургоне везете? А то недавно мы вынуждены были отправить в тюрьму владельца вот точно такого же фургона: он устроил в нем бордель на колесах. Он тоже отпирался до последнего. – (Это «тоже» было великолепно.) – Но мы его разоблачили, когда из фургона вывалилась голая девка. Отродье Илдыза и всех чресел его... А ну!..

Жрец слез с лошади, подошел к фургону и заглянул внутрь.

– Баба и мальчишка с воровской физиономией, – констатировал он. – Чье это хозяйство?

– Мое, пресветлый отец, – почтительно отвечал Леннар, выглядывая из фургона. – Это мои родственники. Мы едем из Ланкарнака, покупали там ослов. Вот этих. На которых мы сейчас едем.

Жрец-мытарь окинул взглядом Леннара, на лице которого плавала почтительная и самая невиннейшая улыбка. К облику этого типа сложно придраться, поймал себя на мысли храмовник: в меру почтительности, в меру благопристойности, ведет себя ровно, богобоязненно – перед тем как заговорить с жрецом, прочел короткую отмыкающую уста молитву. Прочел?.. Прочел. И закон Семи слов, кажется, соблюдает.

– Хм, – скривился жрец, – неплохие животные. А пошлину с покупки вы заплатили?

– Конечно.

– А доплату за вывоз за городскую черту?..

– Да.

– А подорожную мзду?

– Разумеется, пресветлый отец.

– А налог на подковы? Надеюсь, вам известно, что подкова – один из символов Благолепия, и за каждую подкову полагается внести в казну Храма по четверти пирра. Следует по пирру за каждую подкованную лошадь... э-э-э ну осла... то есть.

Королева, которая и не подозревала о таких тонкостях налогообложения в собственной стране, сидела тише мыши, потому что так шепнул ей Леннар. Но ее природная гордость, увеличенная благоприобретенной королевской надменностью, бунтовала. Тем временем жрец поименовывал все новые и новые выплаты, налоги и пени, которые он начислял буквально на глазах. Время от времени он возводил к небу глаза, вероятно спрашивая у пресветлого Ааааму: все ли перечислил, ничего не забыл?.. Потом жрец вынимал из-под одеяния кожаную флягу с чудотворным питьем и прикладывался. Глаза его блестели, он ощутимо пошатывался, но языком молотил неустанно.

Закончил он тем, что, густо икая, предложил пожертвовать треть груза и одного из ослов (по выбору самого жреца) в пользу Храма. Кроме того...

– Следует делать отчисления в особый... ик!.. фонд Храма, который, к великому прискорбию, следует тратить на поимку мерзкого, грязного нарушителя Благолепия, рвоты из уст вонючего демона, плечи мира, гнойного чирья, уродующего тело Чистоты м-мира... тлетворных ветров из жирной задницы Илдыза, – терпеливо и стараясь не икать или икать не очень явно, перечислял жрец, – сына осла и муравьед... ик!.. словом, скверного Леннара, уродища из выгребной ямы миров, скопища помоев и... ик!.. – Жрец запутался в пышных эпитетах, последовательно прилагаемых к персоне Леннара, несколько раз повторился и наконец добавил: – Делайте взнос. Вы-зы-нос. Или вы, быть может, хотите, чтобы богомерзкий сей урод, объявленный Храмом вне всех законов, гулял на свободе и выпускал на честных людей своих зловонных демонов? Тогда, конечно, можете не платить, н-но... х-хе... вы тем самым отстраняетесь от Храма и выводите себя из-под чудотворной сени его законов. А это...

Королева Энтолинера не выдержала и звонко крикнула:

– Мы заплатим, но нельзя ли побыстрее?! Мы спешим!..

Жрец надул щеки и с шумом выпустил воздух. Подбоченился и, снова приложившись к фляге с питьем, воскликнул гневно:

– Это кто осмеливается перебить... и-ык!.. жреца Храма?! Вы, жалкие простолюдины! Ну, ты! А ну тащи сюда свою шлюху, посмотрим, что это за птица!

Энтолинера попыталась выпрыгнуть из фургона, но Леннар удержал ее.

– Мы заплатим, – пообещал он, заискивающе улыбаясь. – Вот двадцать пирров, достаточно? Я так думаю, этого хватит, чтобы покрыть все траты, что ты перечислил, пресветлый отец.

И несколько серебряных монет перекочевали из ладоней Леннара в трясущиеся то ли от жадности, то ли от невоздержного пьянства руки жреца смотрителя. Одна из монет, в пять пирров достоинством, скатилась на землю, и один из стражников, сопровождавших жреца в его благородной миссии поборов, поднял ее и принялся разглядывать. Попробовал на зуб, проверил чеканку.

– Новенькая, – сказал он и облизнулся.

Как раз в этот момент Энтолинера выглянула из фургона. Стражник отвлекся от созерцания монеты, взглянул на молодую женщину – и вдруг, вздрогнув, снова впелся взором в поверхность монеты. Туда, где был выбит, вычеканен профиль королевы.

У стражника оказался цепкий, наметанный глаз. А может, еще и потому, что он не пил, как жрец смотритель... так или иначе, но стражник узнал... Он уже открыл было рот, но в ту же секунду Леннар спрыгнул на землю и почти без замаха вlepил свой кулак в переносицу стражника. Раздался треск, стражник беззвучно опрокинулся на землю. Альд Каллиера воспринял это как руководство к немедленным действиям. У благородного беллонского дворянина, сына Озерного властителя, давно чесались кулаки, так что в этом смысле Смотрителю

и его людям не повезло до чрезвычайности. Альд Каллиера направил осла на второго стражника, подмял его... Бедняга получил по лбу одной из тех подков, за которые следовало платить по четверти пирра в казну ненасытного Храма, и незамедлительно вернул богам свою потрепанную душонку.

Жрец-смотритель, который не успел понять, чему так удивился сбитый Леннаром с ног стражник, ощутил лишь легкое прикосновение того же к основанию собственного черепа. После чего в его голове взорвалось багровое солнце, и жрец больше ничего не увидел.

– Даже посопротивляться не могли для приличия, сволочи... тьфу! – в неопишуемой досаде воскликнул альд Каллиера и обуздал забившего копытами осла, которому словно передалось его настроение. – На бесчинные поборы горазды, а чтобы защищаться, как подобает мужчине, – на это их не хватает!.. Крысы и дети крыс!

Один из гвардейцев сопровождения, не кто иной, как правая рука альда Каллиеры, благородный тун Томиан, спрыгнул с осла. Перешагнув через повалившегося жреца, он опустился возле него на колени. Нет, не из почтительности перед нерадивым пастырем. Он просто обшарил его облачение.

Тун Томиан, сын одного из вассалов альдманна Каллиара, вместе с альдом Каллиерой покинул родное Приозерье и отправился на службу к арламдорскому правителю. Вот уже пятнадцать лет честь честью он состоял в гвардии. Главными качествами туна Томиана были неуступчивость, смелость и упрямство, которое порой доходило до ослиных характеристик. Облик туна Томиана был таков, чтобы максимально полно вместить три перечисленные черты характера: он был невысок ростом, необъятно просторен в плечах и груди, крепко стоял на земле мощными, заметно кривыми ногами. Широкое лицо с тяжелыми скулами украшали темные усы и борода, сбрить которые тун Томиан отказался едва ли не под страхом смертной казни. Впрочем, он и на казнь пошел бы, но не дал бы поганить свое лицо!.. Еще чего! Где вы видели безбородого и безусого беллонского туна? Вот то-то и оно!

Как уже говорилось, тун Томиан был предельно упрям, и это его качество усиливалось невоздержанным беллонским патриотизмом. Тун Томиан, истинный сын своей суровой родины, никогда не упускал случая заявить, что беллонские обычаи и беллонская доблесть – лучшее, что существует в этом мире.

Нет надобности говорить, как при подобных взглядах тун Томиан относился к жрецам Храма, особенно к такой замечательной их разновидности, как жрецы смотрители. Мытари, норовящие утащить последнее!..

Сопя и бормоча себе под нос какой-то старинный беллонский напев, тун Томиан обыскивал жреца.

– Уф! – выдохнула Энтолинера. – Вы его... убили?

– Туда ему и дорога, клянусь Железной Свиньей, – отозвался тун.

– Не думаю, – сказал Леннар, глядя на то, как тун Томиан обыскивает бесчувственного жреца смотрителя, – не думаю, что убили. Очнется, паскудник. Будет дальше хорохориться, выпивать и бесчинствовать. Просто ничего не будет помнить, как и стражник, которому я зарядил в переносицу. А вот второго стражника благородный альд, кажется, уходил. Переехал своим, так сказать, боевым конем. То есть, хм, ослом.

– Невелика печаль! – бросил альд Каллиера. – Их надобно всех перерезать, потому что они оскорбляли королеву и вообще... За одно то, что я вынужден путешествовать не на коне, а на осле – благодаря их дурацким законам...

– Послушайте, уважаемый аэрг! – перебил его Леннар. – Если мы и впредь будем на каждом повороте дороги и у каждого дерева валить безмозглых стражников, то ничего хорошего из этого не выйдет. Мы должны спешить, не тратя на них времени. Они же не знали, что перед ними – королева, хотя это совершенно не оправдывает их бессовестного мздоимства. – Тут он не выдержал и тихо засмеялся. – Ну не смешно ли вам самому, господин альд, что я, бунтовщик и... – не буду перечислять!.. – что я защищаю этих, гм, представителей власти перед вами, государственным лицом и одним из воплощений этой самой власти?.. Ну? Ладно, забыли.

– Ну и ну! – донеслось восклицание.

Все посмотрели на туна Томиана. Он все так же сидел возле тела жреца, чуть покачиваясь взад-вперед.

– Что такое? – спросил Каллиера.

– А вот! – Гвардеец раскрыл ладонь, и все увидели на его огромной пятерне продолговатый черный предмет, из которого торчали небольшие металлические штырьки.

Барлар, которого всегда привлекало все необычное, глядел во все глаза. Ему удалось рассмотреть на корпусе непонятного предмета длинный ряд каких-то знаков, словно несколько маленьких древесных паучков пристыли к черной поверхности, как к тягучей смоле.

– Что это такое? – спросила королева Энтолинера.

– А демоны его ведают, – беспечно отозвался тун Томиан. – Какой-то черный амулет. Не к добру. Все эти погремущки Храма, бают, могут вызвать Илдыза.

– Что-что? – бросил Каллиера. – Что ты там бормочешь, тун?..

– Я говорю, не к добру это, дружище. Чтоб мне бороду спалило, если я не прав!.. Эта встреча с жрецом Храма, даже таким мелким, как этот Смотритель... И – этот амулет. Приметы очень нехорошие.

И, насупившись, он взглянул на Леннара. Тот прищурился и медленно приблизился к туну Томиану. В его взгляде, обращенном на предмет в руке беллонского аэрга, промелькнуло беспокойство, но тут же и истаяло. Человек из Проклятого леса проговорил:

– Дайте сюда сию вещицу, любезный друг.

Тун Томиан недобро оскалил зубы и отозвался:

– Почему же? Это я обнаружил амулет. И если я кому его и передам, то только своему прямому начальнику, альду Каллиере. А тебе я не очень-то доверяю и до сих пор думаю, что ты лучше бы смотрелся во-о-он на том дереве, в петле. Хотя ты, конечно, лихой парень. – Тун Томиан всегда говорил то, что думал, и это качество очень часто портило ему жизнь. Хорошо еще, что он был немногословен... – Только альду Каллиере, – повторил он.

– А мне? – спросила Энтолинера.

– Ни в коем случае, что вы! – воскликнул глава ее личной гвардии. – Ни в коем случае, этот черный амулет может быть опасен и навредит вам! Лучше помолимся богам, чтобы указали нам правильный путь и дали силу свернуть с неверного!

Последняя фраза была куда как прозрачной. Тун Томиан проворчал, что его соотечественник уж очень кудряво изъясняется, набрался всех этих арламдорских штучек... А Леннар понял. Сложно не понять... Собственно, альд Каллиера был с самого начала против того, чтобы королева отправилась в непонятное путешествие с самым опасным человеком Арламдора, да и смежных земель, с тем, за кого Храм пожертвовал многим из имеющегося у него в распоряжении. Прямодушный беллонец особенно и не давал себе труда скрывать свое подозрительное отношение к Леннару, и только воспоминание о том, что именно он, предводитель тайных (как именовались они в народе), спас королеву, останавливало благородного альда от развязывания каких-то активных действий. Вернее – противодействий.

Леннар произнес спокойно:

– Кажется, я просил, чтобы вы слушались меня беспрекословно. Был такой уговор, Энтолинера?

Подобное обращение к королеве, запросто, по имени, возмутило и альда Каллиеру и туна Томиана. Хотя оба знали, что королева разрешила Леннару называть ее Энтолинерой, без титулования. Тун Томиан сжал в кулаке амулет, найденный при жреце смотрителе, и, дернув себя за бороду, воскликнул:

– Я отдам его тебе только по прямому приказу королевы! А может, не повинуюсь и ей! Быть может, ты околдовал ее, ведь недаром говорят, что ты имеешь дело с демонами, отчего и научился побеждать Ревнителей! Она потом сама будет благодарна мне!.. Лучше разобью эту проклятую штуковину, чем отдам ее тебе!

Леннар напрягся и, едва сдерживая голос, чтобы не заорать, с напряжением произнес:

– Нет! Не делай этого!

Однако тун Томиан отличался исключительным упрямством и непреклонностью, которые в свое время и помогли попасть ему в гвардию государыни. Стоит отметить, что сейчас эти качества сослужили ему дурную службу. Не послушав Леннара, он с силой швырнул черный предмет о придорожный камень и...

– Вниз! Всем ле-э-э-эчь!!! – прорезал воздух неистовый вопль Леннара и, не дожидаясь, пока гвардейцы и воришка Барлар исполнят его приказ, он рванулся в сторону, на пути буквально выдернув из фургона королеву, и повалился вместе с ней в заросли придорожной травы.

И не зря.

Потому что на корпусе амулета, с силой брошенного о камень, появилась трещина, оттуда, извиваясь по-змеиному, выдавилась струйка угольно-черного дыма... Тун Томиан смотрел на нее как замороженный, словно это была живая змея с ледяным, гипнотическим взглядом, а сам он оперился и стал маленькой птичкой. Клинок пламени косо взрезал воздух, второй, третий, потом несколько следующих одна за другой вспышек слились в тугой клуб пламени – и рвануло. Камень, о который был брошен «амулет», разнесло на мелкие части.

Незадачливого туна Томиана, виновника всего происшедшего, отбросило на десяток шагов, в заросли репейника. Взрывной волной перевернуло фургон и повалило невезучих ослов, впряженных в него. Еще двое лопоухих «скакунов» повалились вместе с всадниками. С начальника гвардии, благородного альда Каллиеры сорвало шапку и отнесло шагов за полсотни от места взрыва.

Сам он усидел в седле только благодаря своему незаурядному мастерству наездника, хотя и не был привычен ездить на осле.

Барлар, который наблюдал за всем этим широко раскрытыми глазами, был брошен прямо на стенку перевернутого фургона, и только то, что он успел в последний момент сгруппироваться (базарных воришек частенько сбрасывают с лестниц или спихивают с фургонов, на которые им случается запрыгнуть, так что опыт был), избавило его от больших неприятностей. Барлар отделался несколькими синяками да острой болью в ушибленном колене. Ну и амулет!.. Видно, страшная сила содержится в нем, если даже сам Леннар предостерегает и... Барлар не успел довести мысль до естественного завершения. Что-то мутное, давящее, некое необоримое нечто вдруг прокатилось через него, ломая, прогибая, разрушая волю и сопротивление организма. Ничего подобного ему

еще не приходилось испытывать. Жуткий, ни с чем не сравнимый животный ужас вдруг превратил дерзкого и смекалистого воришку в какой-то ошметок переваренного киселя, мутно-багрового, мелко трясущегося. Перед глазами Барлара рванулись, сминаясь в складки, ярко-оранжевые полосы, и в месте разрыва одной из них вдруг появилось белое пятно. Верно, лишь подсознанием, до которого еще не дотянулись ледяные лапы ошестиненного ужаса, он понял, что это белое пятно – лицо, перекошенное лицо человека, в котором мало осталось человеческого... почти ничего. Маска, посмертная маска страха. Барлар закричал, но только какое-то хриплое карканье выдралось из его горла. Он рванулся, раскинув руки и ноги, и повалился в гулкую пустоту... Конец?

– Вставай! – властно сказали ему.

Барлар увидел над собой светлое лицо, окаймленное радужным сиянием. Откуда-то исходил однообразный шум, плеск, словно неподалеку бесновался и пенился водопад. Барлар не сразу осознал, что этот шум и плеск внутри его собственной головы.

– Уже? – разлепил Барлар пересохшие губы. – Я... на небесах? Ты... пресветлый Ааааму? И...

– Ишь чего захотел. Вставай! Вот, выпей.

Барлар глотнул. Питье жестко продрало глотку, но подействовало: к Барлару вернулась ясность ума и зрения. Водопады в голове унялись. Он узнал Леннара, склонившегося над ним.

– Что... что это было? – На человека из Проклятого леса глянули два испуганных мальчишеских глаза.

– Все равно не поймешь, даже если буду объяснять, – с досадой сказал Леннар. – Пока не поймешь. Этот бедолага тун Томиан, чьи ноги торчат сейчас из зарослей репейника, все-таки расколол... э-э... да что там говорить! Кажется, я его предупреждал. Хорошо еще, что живы остались. Ты пока лежи. Я пойду выну его из кустов.

И он, подхватив кожаную флягу жреца смотрителя, из которой только что дал глотнуть Барлару, направился к зарослям, откуда в самом деле беспомощно

торчали две мощные кривые ноги в тяжелых сапогах. Барлар помотал башкой, сел. Он находился на обочине дороги в нескольких шагах от поваленного фургона. Рядом с фургоном, запутавшись в постромках, бились два тягловых осла. Чуть поодаль лежала королева Энтолинера, над которой хлопотал гололицый альд Каллиера с непокрытой головой и всклокоченными короткими волосами. Еще двое гвардейцев были уже на ногах и с ужасом смотрели на тающий косой столб дыма, возносящийся над местом взрыва...

Вскоре все образовалось. Фургон подняли, ослов поставили на ноги, напоили. Тун Томиан, виновник всех бед, бессмысленно мотал головой, облепленной репьями. На лбу у него рдело красное пятно, глаза будто собрались в кучку, и по всему было видно, что он не до конца пришел в себя. Борода и усы были опалены, а брови совершенно слизнуло пламенем.

«Хорошо еще, что хоть так, – подумал Леннар, – взрыв – еще не самое страшное... Хорошо, что хотя бы я один успел сохранить контроль над собой. А то все превратились бы в бессмысленную скотину... Если бы здесь был один из моих сподвижников по имени Бреник, то он рассказал бы вам один случай, когда в Храм привезли человека, сошедшего с ума от ужаса. Мы только что избежали такой же участи...»

– Но что это за амулет? – тихо спросила Энтолинера, когда они снова тронулись в путь.

– Это не амулет, – сказал Леннар. – Позже... вы все узнаете, но не здесь и не сейчас. Верьте же мне!.. Этот ваш тун Томиан попробовал сделать по-своему, и сами видите, дорогая Энтолинера, что произошло.

Королева прерывисто вздохнула и опустила голову, закрыв подбородком длинную извилистую царапину, легшую на тонкую шею. Леннар продолжал строго:

– Это еще ничего!.. Но если и дальше ваши люди будут вести себя, как неразумные обезьяны из звериного питомника, то лучше сразу оставить идею ехать со мной! Это больно ударит по всем нам, но лучше так, чем по рецептам любезного туна Томиана!.. Вот он зашевелился, кстати! Как ты себя чувствуешь?

Гвардеец, лежащий у стенки фургона на расстеленном плаще, промычал что-то невнятное и попытался приподняться, но тут же был придавлен Леннаром к полу.

– Лежи, дурья голова! Тебе нужно отлежаться хотя бы до того времени, пока мы не доедем до Проклятого леса, а там мы будем к вечеру! А если снова будешь прекословить, пеняй на себя! Ты и так чуть было всех нас не погубил. Говорил же я тебе!.. И что, теперь всякий раз будем испытывать судьбу? Может, в следующий раз ты будешь плевать в Поющую расщелину или пойдешь прогуляешься к Язве Илдыза, там ведь тоже много любопытного?..

– Ам-м... мулет!.. – На губах гвардейца запузырилась слюна. – Это... демоны... они... сохрани нас Катте-Нури, и да будет с нами благословение пресветлого Ааааму!..

– Будет, будет, – примирительно сказал Леннар. – Непременно будет. Только лежи, почтенный тун. Лежи смирно. Ты и так уже внес свой веский вклад в успех общего дела. Бороду подпалил вот...

Ирония, звучавшая в голове Леннара, была несомненной и явной, но своенравный беллонский тун на этот раз не стал возмущаться. Он моргал короткими ресницами и слабой рукой пытался вытянуть из волос неподатливый репей, один из сотни плотно засевших в голове бравого гвардейца.

К вечеру на горизонте за чередой невысоких холмов показалась неровная щетина леса. Заходящее светило в клочьях багрово-красных и зеленовато-синих насморочных туч зависло над ним. Оно набросило на Проклятый лес рдяные отсветы своих последних лучей, протолкавшихся сквозь облака. Альд Каллиера, ознакомившись с этим видом, отчего-то смутно припомнил, как он, бреясь перед сном, порезался бритвой, и кровь проступила сквозь пену и неутешительно окрасила оставшуюся щетину. Королева Энтолинера, кутаясь в плотную накидку, спросила у Леннара:

– Мы пойдем туда... на ночь глядя?

– Да.

– Но, быть может, лучше переждать до утра?

– Нет. Мы войдем в лес сейчас. А к утру... к утру тут могут быть Ревнителю. У них слишком много шпионов и осведомителей, чтобы мы исключили такую возможность даже при самых благоприятных предзнаменованиях. А тут еще и эта история с жрецом и вашим гвардейцем. Нет, мы должны войти в лес сегодня. Сейчас же. Я понимаю, что вы тревожитесь. Да еще все эти легенды... Признаться, в свое время я тоже... – Леннар осекся. Сумрачная тень пробежала по его лицу.

Энтолинера подняла на него глаза.

– Что – вы тоже?

– Я тоже в свое время... как бы это... искал в себе силы... Да! Искал в себе силы, чтобы войти в Проклятый лес. А что стесняться? Уж верно не лавка детских игрушек, а – Проклятый лес! Слишком зловещее и таинственное место, чтобы не испытывать тревоги. А моим спутникам, тогда еще темным крестьянам и ремесленникам, забитым суевериями и мрачными легендами... им-то каково было узнать правду!..

– Правду?

– Да. Ту правду, которую еще предстоит узнать вам. Но это необходимо. Потому что без этой правды дальнейшая жизнь и ваша, и моя, и всего этого мира немыслима. И вы скоро поймете почему.

Энтолинера спросила что-то еще, но Леннар не расслышал. Прислонившись спиной к стенке мерно покачивающегося фургона, он припоминал обстоятельства собственного открытия Проклятого леса. В тот вечер и ночь, когда они бежали из Куттаки от Ревнителю омм-Моолнара и скрылись в Проклятом лесу, а потом – по прихоти необъяснимой тогда силы – оказались на каком-то потустороннем, невероятно огромном поле, сплошь усеянном человеческими костями...

Леннар вспоминал.

Глава 2

– ...Знаю! Я знаю, где мы!.. Ну конечно! Ведь все... все указывало мне на то, что мы тут очутимся! Сначала – рассказ Бинго о «лепестке Ааааму», потом Поющая расщелина, где мы были с тобой, Лайбо, и с тобой... с тобой, Инара! После был этот черный круг в небе, и в нем – радужные пятна, оплывающие, как... как кровоподтек на громадном глазу божества! Ну да!!! Да! Я вспомнил! Не знаю, что я могу вспомнить еще, но это я вспомнил точно!

Леннар, с пепельно-бледными от напряжения губами, обвел рукой громадное гулкое пространство, куда игра неведомых могучих сил зашвырнула их. Да-да, подобно жалким песчинкам, осыпавшимся с неописуемо громадной руки великана. Инара, Ингер, Бреник, Лайбо вопросительно смотрели на Леннара и ждали, что он скажет. Но он не спешил. Словно боялся, что, поторопившись открыть посетившие его мысли, он может поставить всех в сложное положение. Еще более сложное, чем сейчас (хотя куда уж сложнее?). Леннар сел на корточки и, обхватив голову руками, застыл.

Ожидание затянулось. Ингер тронул Инару за плечо и прошептал:

– Чего это он? Спятил, что ли? Это... это совсем мерзко было бы!

– Чтоб усох твой поганый язык!.. – горячо ответила Инара. – Не видишь, он думает? Кто еще из нас всех может похвастаться тем, что умеет думать? А ведь он уже спас нам жизнь. Там, у оврага.

То, что Леннар спас им жизнь не только у оврага, Инара осознала несколько позднее. Как и узнала о страшной участи всех тех жителей своей деревни, которые не вняли уговорам Леннара уйти с ним. Но уже сейчас она была уверена в том, что от Леннара может быть только польза.

Между тем Леннар встал с корточек. Он поднял голову, рассматривая то необъятное пространство, в которое их занесло. Потом произнес:

– Идем.

– Куда?

– Туда! – И он ткнул пальцем, кажется, в первом попавшемся направлении.

Они шли через поле, усеянное костями и черепами, довольно долго, так что успели привыкнуть к жуткому антуражу уже не вздрагивали, когда под ногами хрустела очередная высохшая до хрупкости кость. Велика человеческая способность адаптации к любой, даже самой необычной и шокирующей обстановке! Нервный Бреник, показавший себя весьма малодушным существом в Проклятом лесу, и тот на этот раз выглядел довольно спокойным. Все его внимание сосредоточилось на другом, и на рассматривание черепов, попадающихся под ноги, уже не было ни времени, ни желания. А это другое... о, оно было перед глазами и все росло, росло!

Это была стена, которой не предвиделось конца. Она вздымалась на невероятную высоту, разбегалась в стороны необъятным серебристым барьером, простиравшимся куда-то туда, где невозможно было ухватить глазом что-то определенное... и только стелилась зеленоватая дымка, когда Бреник, что было сил напрягая и щуря глаза, пытался ухватить, где же кончается это невиданное, невозможное сооружение. Сооружение нерукотворное, потому что людям не под силу построить что-либо подобное. Самой большой постройкой, какую когда-либо приходилось видеть бывшему послушнику Бренику, был Храм Благолепия в Ланкарнаке. Да и то в голову бедного Бреника иногда закрадывались непозволительные мысли, что при постройке Храма людям помогал кто-то несравненно более могущественный, чем все эти искусные, но простые смертные строители. А эта Стена (невозможно даже думать о ней с маленькой буквы!) была настолько громадной, что Бреник даже не пытался сравнить ее с высотой Храма. В его голове всплыло догматическое утверждение Благолепия о том, что мир ограничен Стеной мира, которая отделяет обитаемые пространства от Великой пустоты. «Не она ли это? – подумал Бреник. – Ясно, что только богам под силу воздвигнуть это! Богам и самому пресветлому Ааааму, чье истинное Имя неназываемо!»

О размерах Стены можно было судить разве что только по косвенным признакам. После того как горе-путешественники прошли не меньше тысячи шагов, им удалось разглядеть в самом низу Стены нечто вроде небольшого бугорка, маленькой бородавки. Соотносительно с общими (с трудом угадываемыми) размерами Стены «бородавка» казалась совершенно ничтожной, незначительной – капелька морской воды на громадной спине кита, даже меньше! По мере приближения к Стене «бородавка», эта капелька, увеличивалась в размерах, вот она разрослась до упитанного купеческого дома,

потом вымахала во внушительный дворец с еле угадываемым крошечным отверстием у самого фундамента... Над сооружением виднелось углубление, полукруглый желоб колоссальных размеров, идущий вверх по Стене и терявшийся где-то там, в неописуемых высотах. Беглецы шли и шли... В результате «бородавка» оказалась колоссальным сооружением не меньше пятидесяти анниев в высоту, вертикальный желоб, верно, был не меньше пересохшего русла не самой маленькой реки, а крошечное отверстие у основания обернулось внушительным входом, забранным полупрозрачным материалом.

При приближении Леннара и спутников полупрозрачная панель вдруг поехала в сторону, открыв арочный вход внутрь... Внутрь чего?.. Бреник мучительно закашлялся и протиснул сквозь зажатое горло хриплый петушиный крик:

– Не идите! Это вход в преисподнюю! Это врата, врата в ад! Нас вынесет в Великую пустоту!

– Не паникуй! – резко прервал его Леннар. – Не то оставим тебя здесь, будешь знать! Немедленно замолчи и следуй за мной!

– Может, мальчишка прав? – тихо произнес Ингер и кивнул на белого как мел Бреника. – Что... что там? Боюсь, что мы уже умерли и очутились... очутились на загробных полях... и здесь...

Усилием воли Леннар удержал себя от очередного выплеска гнева. Криком тут ничего не добьешься. Равно как и на нервах не разъяснишь этим людям то, где они оказались на самом деле. Память возвратила Леннару весьма большую и насыщенную информацией часть утраченного, но он и сам пока что не мог выстроить эти оглушительные сведения в стройную систему, в которой можно ориентироваться, без риска заблудиться и потерять прочные ориентиры.

– Так, – произнес он, – сейчас выясним вот что. Если мы действительно умерли, как утверждает Ингер, то терять нам уже нечего, не так ли? Ну? Ведь верно?

Лайбо хихикнул. При падении он немного ушибся головой, и теперь ему все казалось довольно забавным. Счастливец! Даже изумление перед громадными размерами того, что его окружало, выходило у Лайбо смешливым. Собственно, и в той, другой, жизни Лайбо отличался предельным жизнелюбием и светлым

мироощущением, как сказал бы философ. А теперь Лайбо не находил оснований для уныния, хотя, повторимся, при падении он немного ушиб голову. Лайбо сказал:

– А что, отличная мысль! Нам в самом деле терять нечего! Лично я с удовольствием познакомился бы с местными... гм... кто тут живет.

– Лайбо! – пискнул Бреник.

– Да мне уже надоело бояться Илдыза и его свиты! – взвился Лайбо и провел ладонью по поверхности Стены, точнее, примыкавшего к ней громадного цельнометаллического сооружения, в которое превратилась «бородавка». – Зря я, что ли, в детстве бегал к Поющей расщелине и даже норовил залезть в Язву Илдыза... в тот серый чертог? Говорят, там – демоны. Ну и!.. Хотелось бы с ними познакомиться. Леннар, дружище, ты в самом деле знаешь, где мы? Ну так веди!

– А я что делаю... – неопределенно произнес Леннар. – Идем за мной. Вот сюда. Да верьте же мне! Сюда!!!

И он указал пальцем в полутемное пространство, открывшееся за отъехавшей в сторону панелью. И вошел первым. Поколебавшись, Ингер, Инара и Лайбо последовали за ним. Последним во «врата преисподней» проник Бреник, который усиленно молился и осенял священными знаками Благолепия свой покрывшийся каплями пота лоб и ссутуленные плечи.

За его спиной полупрозрачная панель закрылась. Легкое жужжание, с которым это произошло, заставило Бреника обернуться. Он бросился на панель с кулаками, словно на живого и коварного врага, и принялся колотить эту преграду, через которую можно было разглядеть черепа и кости, что усеяли преодоленное беглецами поле. Удары сыпались один за другим. Бреник бил руками, ногами, вбивался в панель боком, спиной и под конец порывался было удариться в нее головой, но подбежавшие Лайбо и Ингер оттащили его. Не ограничившись таким физическим воздействием, Ингер отвесил Бренику здоровенный пинок. Бреник покатился по полу.

– Не смей, – сказал ему Леннар, – ты должен смирить страх! Или ты не видел, что случилось с теми, кто подобно тебе хотел вернуться в это место? Хочешь прибавить свой череп к уже имеющимся здесь? Присовокупить свои косточки,

так сказать, к общему котлу? Так иди! Я открою тебе дверь.

В его голосе звучала спокойная, упругая уверенность. Именно спокойствие и уверенность подействовали на Бреника лучше любых криков, воплей и пинков. Он поднялся на ноги, всхлипнул, потер пальцами переносицу и пробормотал:

– Я – с вами!

– Но чтобы больше никаких истерик, никакого скулежа, – предупредил его Леннар.

– Да, да.

– Ну что же, тогда можно и двигаться дальше, – сказал Леннар.

– Куда?

Задавший этот вопрос Ингер и все остальные разглядывали помещение, в котором они оказались. Тем из них, кому доводилось бывать в Храме, Леннару и Бренику, оно напомнило центральный богослужебный зал с купольным перекрытием; почти те же размеры, та же яйцевидная форма купола. Леннар приблизился к невысокому, вдвое ниже человеческого роста, столбу, торчащему из пола в самом центре помещения, и, протянув раскрытую ладонь, вдавил ее в навершие столба. Ничего не произошло. Леннар, впрочем, тут же убрал ладонь и вздохнул.

– Так и есть, – сказал он, и нотки скрытого удовлетворения мелькнули в его голосе. – Работает.

– Что работает? И куда это нас сейчас... того... потащит? – буркнул Ингер, который опустился на колени и ковырял пальцем пол. У него раздувались ноздри: конечно же у него под ногами, под пальцами был металл, но как гладка, как ровна его поверхность!.. Так не прокуешь кузнечным молотом, да Ингер и не сомневался, что никогда, никогда молот не касался этой божественно ровной поверхности, в которой, как в воде, как в прозрачном лесном роднике, отражалась его озадаченная физиономия! Смущенный Ингер вдруг вспомнил ту табличку, которую он нашел при Леннаре, и машинально повторил: – И куда это

нас сейчас... того... потащит?

– А мы уже движемся, – с явным облегчением произнес Леннар. – Уже. Да нет, вы взгляните. Взгляните!

Все обернулись в том направлении, куда указывал Леннар. К выходу, перекрытому прозрачной твердой панелью. Да! Там, за этой толстой перегородкой, однако же куда более прозрачной, чем пленки из бычьих пузырей, которыми крестьяне затягивали окна в своих избах, плыло огромное светлое пространство, и, подойдя к самой панели, перекрывшей вход, беглецы увидели, что находятся очень высоко над полем костей. Черепа, кости и целые скелеты стали настолько малы, что не просматривались по отдельности, а слились в какой-то непрерывный белый узор, сродни тонкой паутине.

Из груди Ингера вырвался возглас, выразивший общее мнение и, между прочим, соответствующий истине:

– Оно поднимается!!! Эта штука, в которую мы вошли, – она поднимается!

– Конечно, поднимается, – процедил Леннар, – это ее прямая обязанность, подниматься. Эта штука называется грузовой лифт, а огромный зал, в котором мы очутились, – транспортный отсек. Я попытаюсь объяснить, – сказал он, сложив на груди руки, – понимаю, вам будет трудно понять, но вы постарайтесь!..

– Да уж мы уж... – неопределенно буркнул Ингер, разглядывая плывущее под ними грандиозное пространство. Глаза Ингера были выпучены. Скелеты уже скрылись из виду, и далеко внизу мерцала неразличимая серая гладь, выхватить из которой что-либо отдельное и определенное не мог даже самый острый взгляд.

– В общем, так, друзья, – произнес Леннар.

Его лицо то и дело озаряла светлая торжествующая улыбка; по ней легко было понять: какие-то его подозрения, озарения, обрывочные домыслы, которые можно было трактовать в том числе и как болезненный бред, и как сумасшедшие фантазии, блестящим образом оправдались. Леннар был доволен. Он продолжал, волнуясь, аккуратно подбирая слова и не совсем твердо стоя на

ногах (его чуть пошатывало):

– Бреник, ты ведь помнишь то, что тебе читали в Храме о сотворении того мира, в котором мы живем? Боги разгневались на людей, овладевших «грязным», скрытым от людей знанием, доступным лишь небожителям. Боги объявили День Гнева и уничтожили прежний мир, а светлый бог Ааааму, чьи истинное Имя неназываемо, привел немногих из тех, кто очистился от Скверны, в некое мифическое убежище, новый мир, в котором живем мы и жили многие десятки поколений наших предков! Так?

– Так, – подтвердил Бреник, – это так... верно.

– Ну так вот, жрецы совершенно правы в общей канве, но подробности сильно разнятся! Я вспомнил, вспомнил, и все подтверждается, понимаете ли вы это? Впрочем, о чем я? Так вот... Я не стану пересказывать мифы из Книг Благолепия, они и так прекрасно вам известны. Да, на самом деле в другом мире жили люди, которые достигли огромных успехов в познании окружающего их пространства, овладели многими ремеслами, искусствами, о которых сейчас никто и помыслить не может, потому что думает: невозможно. Прекрасная планета, на которой жили те люди, называлась Леобеей, или миром Двойной звезды. Ученые вычислили, что вскоре планета и вся планетная система войдут в прямое соприкосновение с другой системой, идущей по скрещивающейся галактической траектории! Возможно ли представить, что может произойти в таком случае? Глобальная катастрофа – однозначно, но отдельных ее жутких подробностей невозможно и измыслить!.. Как минимум серьезно изменится орбита, а самой планете придется выдержать жесточайший метеоритный дождь, со слагаемыми факторами дающий стопроцентное исчезновение всякой биомассы, а уж человечества в первую голову! – (Кто-то из слушателей попытался заткнуть уши, но слова Леннара все равно проталкивались до слуха.) – И тогда было принято единственно верное решение: эвакуировать все население планеты и искать новое место жизни. Так?

Леннар вскинул глаза, вперив взгляд в купол грузового лифта, возносящего их к неведомым высотам, и что-то забормотал, забормотал... Ближе всех стоявший к нему Ингер расслышал только: «Работает... освещение... головной отсек уровнем выше...» – и еще какая-то «биполярная интерференция» (последнее Ингер даже не смог впихнуть в голову).

– И тогда началось великое строительство, которому не было равных, хотя мои соотечественники всегда были очень искусными строителями. Ведь на Леобее не так много суши, всего одна пятая от общей поверхности планеты, и нам приходилось строить подводные города!.. Но в том случае, о котором идет речь, не помогли бы даже поселения под землей, не то что под водой! Было принято решение покинуть планету, а для этого требовалось построить космические корабли! Но небо издавна было на замке, – сверкая глазами, продолжал Леннар, – и законы нашей цивилизации, а особенно религиозные, запрещали даже думать о покорении и ближнего неба, не говоря уж о просторах космоса! Впрочем, строительство все равно было начато: существуют иные законы, прежде всего законы самосохранения и законы здравого смысла!

Ингер, Лайбо и Бреник замерли. Черноглазая Инара смотрела на Леннара, как заботливая мать смотрит на своего заболевшего ребенка. Вероятно, она была больше склонна поверить в то, что угодила в мир иной, туда, где сходятся пути богов, нежели в рассказ Леннара. Конечно же: ведь легче поверить, что ты умер и ступаешь по полям забвения, усеянным костями, чем в какие-то космические корабли, планеты и миры за пределами этого мира, дарованного «чистым» людям самим Ааааму, светлым богом!..

– Но строительство было начато, – говорил Леннар, – начато, хотя не все верили, что работы подобных масштабов осуществимы! Корабли приходилось собирать на орбите, потому что на земле ворочать такие махины нереально!.. Проект был назван... да, он был назван «Врата в бездну»! Суть невероятно сложна и проста одновременно! Используя феноменальные, неисчислимы энергии двух «противоборствующих» звездных систем, мы должны были перебросить звездолеты через чудовищные расстояния в другую галактику. Но это был путь в никуда. Ведь после прыжка сравнимых по мощности источников энергии в нашем распоряжении уже не будет! И потому звездолеты изначально проектировались таким образом, чтобы на них могли просуществовать несколько десятков поколений, пока потомки не найдут пригодную для заселения планету и не доберутся до нее. Да, да, так, именно так! – повторил Леннар, облизывая пересохшие губы и словно пробуя на вкус мудреные слова, всплывавшие в памяти так легко и непринужденно. – Под это была подведена не одна этносоциальная и психолого-поведенческая программа! – Губы неожиданно легко выговорили эти непростые слова, звучащие громоздко и неуместно применительно к простому, почти примитивному наречию, на котором говорили уроженцы деревни Куттака. – Леннар говорил все быстрее: – Ведь образ жизни этих «звездолетных» поколений должен был не слишком отличаться от того, что был привычен для поверхности, дабы у последующих поколений не

выработалась отвращения к жизни на планетах. Потому все системы обеспечения должны были работать максимально надежно и максимально долго. К счастью, я сам в свое время принимал участие в разработке модифицированной технологии постройки огромных подводных городов на морском дне, так что ее усовершенствовали и применили для космоса. Это был великий труд!.. Великий труд!

Ингер вдруг бросился на Леннара. Верно, он подумал, что в того вселился демон. Благое устремление доброго кожевенника ни к чему хорошему не привело: Леннар уклонился, когда же Ингер попытался схватить его за горло, а Бреник оказался с другой стороны, чтобы приступить к обряду изгнания этого демона, – Леннар двумя мощными ударами отбросил и Ингера, и бывшего послушника. Расшвырял их по стенам. К двум утраченным Бреником зубам, выбитым в драке с Ревнителями, прибавился еще один...

Ингер, шатаясь, поднялся и пробормотал:

– Его душой... его душой овладел Илдыз... да сохранит нас... светлый Ааааму!

– Успокойся ты! – отмахнулся Леннар. – Не мешай... я должен – вспомнить – рассказать!..

И далее Леннар поведал о том, что проект шел полным ходом, уже было построено то ли два, то ли три мегазвездолета, их уже начали обживать, как вдруг на планете начался религиозный бунт. Бунт, подобно лесному пожару, промчался по планете, охватывая одно государство за другим. Во главе бунта стояли религиозные фанатики, твердившие, что да, катастрофа грядет, но не потому, что таковы законы небесной механики, а якобы из-за того, что «грязные ученые» забыли заветы предков и посмели «потревожить небеса». Поэтому надо просто уничтожить «осквернителей» и их пособников, покаяться, и все вернется на круги своя. Боги простят ослушников и отвратят катастрофу. Несмотря на всю абсурдность данного предположения, у него находилось все больше и больше сторонников. Более того, те, кто разделял эту точку зрения, появились и среди обитателей собранных на орбите звездолетов, и даже (хотя и в гораздо меньшем количестве), среди их экипажей.

– Мы оказались в засаде, – быстро говорил Леннар, не заботясь о том, слышат ли его, понимают ли его, – я еще не помню, кем был я в этом строительстве и в

каком ранге, однако жрецы призвали к прямому ответу в том числе и меня. Я был схвачен и отправлен на суд в Кканоан, город Чистоты, главный рассадник фанатизма. Это было сумасшествие!.. Сначала эти фанатики взялись за тех, кто фактически руководил работами. Потом круг подозреваемых в Скверне расширился. Таковыми признали всех уже завезенных на готовые звездолеты людей – фермеров, строительных рабочих, представителей младшего технического и инженерного персонала... всех тех, кто готовил титанические корабли для заселения миллионами сограждан, всех тех, кто насаждал леса, засеивал поля, строил жилища уже внутри новых, рукотворных миров! Всех! Какая ограниченность, какая узколобость! В конце концов, и те, кого вывезли на орбиту для подготовки звездолетов, заразились идеями фанатиков... жрецов Купола!

Их можно понять, вел рассказ Леннар далее. Логика тех, простых строителей, была несложна. Кому захочется покидать родную планету, если есть шанс, пусть и призрачный, вернуться к привычному образу жизни? Так вдалбливали им в головы жрецы, и многие склонялись к тому, что так оно и есть. А небо гневалось все больше, бомбардировка из космоса становилась все ужаснее и интенсивнее по мере того, как, оправдывая жуткие прогнозы астрономов, две планетные системы входили во все больший контакт друг с другом. Катастрофа близилась.

– Суд над «осквернителями», надо мной в том числе, постановил изгнать нас с планеты. Собственно, этим они даровали жизнь всем затронутым Скверной, а прочих обрекали на гибель. Конечно, мы сопротивились преступной воле жрецов Купола. Эти фанатики, сами того не зная, обрекали на смерть целую цивилизацию и самих себя!.. Не помню, что я делал после суда, но, наверное, я и мои соратники были заняты тем, что пытались забрать с планеты максимальное количество интеллектуалов и вообще тех, кто еще не верил фанатикам «чистоты». Не помню... не знаю... нет, кажется, все-таки не так... – Леннар с силой провел ладонью по мокрому от напряжения лбу, – но страшное мракобесие, кажется, победило... Мы боролись, однако религиозный фанатизм только рос. И под его влиянием все больше и больше людей отказывались от каких бы то ни было достижений цивилизации и возвращались, как это формулировали жрецы, к «чистому образу жизни предков». И вот мы решили все-таки покинуть планету навсегда, потому что еще немного, и было бы поздно! Перед самым отбытием я изучал поверхность моей великой родины через телескоп – и что же?.. Они решили стать дикарями, совершенными дикарями! Когда мы уходили, большинство остающихся уже жили в шалашах, грелись у костров, а в сгоревших во время религиозных бунтов огромных городах уже процветала охота на единственную дичь, которая – после стольких лет развития

высокотехнологичной цивилизации! – имелась на планете в изобилии. На людей. Мы ушли. Потом на звездолете, кажется, начался бунт, связанный с какой-то страшной эпидемией... А потом... потом провал – ничего не помню – тьма – открываю глаза – и табличка с чьим-то именем, которое я принял как свое!.. – Леннар внезапно резко выпрямился, вскинул голову, и голос его загремел: – Но, несмотря на все, мы сумели завершить работу вовремя, и два или три корабля, которые успели построить, прыгнули в никуда. И мы... теперь мы находимся на одном из них! Вот в этом рукотворном мире, созданном трудом десятков миллионов ваших предков и... и моих друзей, братьев, товарищей. Они давно погибли в котле той катастрофы, устроенной людьми, оболваненными фанатиками, но вы, вы, их потомки, живы! Это правда, друзья мои! Я понимаю... понимаю, что вам трудно мне поверить... принять то, что не может уложиться вам в голову, потому что невозможно, исходя из вашего уровня знаний... но иначе нельзя!..

Леннар говорил скорее для себя, чем для спутников, он сладостно повторял вслух, выпускал наружу то, что долго и упорно терзало его изнутри и никак не могло определиться, оформиться, – а блуждало где-то в глубинах его мозга, в безднах упорной и неизгладимой памяти человеческой. Некоторые особенно нравящиеся ему слова и предложения он произносил по два и даже по три раза, приспустив веки на вдохновенно сияющие глаза и ни на кого не глядя.

Неудивительно, что Ингер, Лайбо и прочие не понимали и половины сказанного Леннаром, да и не могли понять по определению, в особенности такие неудобоваримые термины, как «планета», «траектория», «биомасса» и тому подобное.

Они затравленно смотрели то на своего предводителя, то (сквозь прозрачную переборку «врат в преисподнюю») вниз, в безумный провал светлого пространства, и вверх, где надвигалась громада перекрытия, похожего на окаменевший купол неба, неоглядная, без конца и края. Наиболее дальнзоркий из всех, весельчак Лайбо, уже мог различить на приближающейся гигантской плоскости какие-то бугорки и желобки, и он не поручился бы за то, что эти незначительные неровности, будто рябь на поверхности воды, – не громады размером с добрую гору или с широкую реку соответственно. На фоне всего этого даже бредни Леннара казались весьма и весьма правдоподобными.

Бреник не глазел по сторонам и не буравил глазами человека (человека ли?) из Проклятого леса. Бреник размышлял. Направление его мыслей было вполне

предсказуемым. То, что рассказал Леннар, вполне соответствует каноническим повествованиям о деяниях богов, потому что ясно: люди не могут сотворить всего того, что окружает их! И Леннар говорит, что он один из них... Один из строителей, которые создали этот мир!

Бреник вдруг слабо вскрикнул и упал на колени. Да! Как же это сразу не пришло ему в голову?! И этому тупоголовому Ингеру, который собственными руками вытащил Леннара из Проклятого леса! Ведь это же так просто, так очевидно, что нельзя не признать собственной глупости!.. Бреник застонал. Он вспомнил, как легко Леннар расправился с непобедимыми Ревнителями, как бестрепетно вел он их в Проклятый лес и, избежав многоголового и неизгладимого, неизбежного зла, что гнездится в этом лесу, вывел сюда! В чертог, возведенный богами!

И если Леннар – плоть от плоти этих божественных строителей, а сомневаться в этом уже нет возможности, то страшна и ослепляюще проста в своей наготе истина: Леннар – Бог!

Глава 3

Бывший послушник Бреник засмеялся, но тотчас же его отчаянный смех сполз в какое-то щенячье повизгивание, и он, осенив себя знаком светлого Ааааму, прошептал:

– Значит, ты – бог?

Надо отдать Леннару должное, он сразу понял, что имел в виду Бреник и какими путями он пришел к этому ошеломляющему выводу.

– Что ты, – укоризненно произнес он, – какой еще бог? Я такой же смертный человек, как и вы. Да если бы вы все видели, в каком виде нашел меня... нашел Ингер у оврага, ты не стал бы говорить такую ерунду, Бреник.

– А отчего тогда Храм встал на дыбы? – упорствовал Бреник. – Отчего тебе назначили аутодафе на площади Гнева, отчего сам Стерегающий Скверну говорил с тобой, а потом лично отвел к старшему Толкователю брату Караалу? Отчего ты

сумел так легко справиться с Ревнителями, а ведь до тебя в течение многих поколений никто не мог выстоять в прямой схватке даже с Субревнителем! Выстоять хотя бы несколько вздохов! А мечтать сразить такого, как омм-Моолнар, и с ним еще много, много таких же, как он... такое не под силу человеку!

– А разве Ревнители – боги? – спросил, усмехнувшись, Леннар. – Они такие же смертные люди, как и все мы. Подчеркиваю: все мы, и я в том числе! Просто их сумели должным образом обучить, и я подозреваю, что в основе их обучения лежат известные мне методики, древние, еще на Леобее разработанные! Жрецы просто сумели сохранить это знание. Точнее, остатки этого знания... думаю, так вернее. В свое время меня тоже обучили подобным образом, и мало-помалу мне удалось возратить себе прежние возможности. Наверное, пока что не полностью... Как это удалось, я пока и сам до конца не разобрался, но полагаю, что это – вопрос времени.

– Времени! – вслед за Леннаром повторил Бреник.

Леннар вдруг вскинул вверх обе руки, а потом резко опустил их, упруго разрубив воздух.

– Я понимаю, вы не верите мне. Ну конечно!.. Смотрите, вот смотрите! Видите, мы приближаемся к перекрытию следующего уровня! Глядите... видите, сколько здесь несущих конструкций... и если допустить, что одна из них оторвется от общего массива перекрытия – из-за повреждения ли, износа ли!.. – то она сорвется вниз, эта металлическая машина! Она пролетит все пространство, отделяющее перекрытия разных уровней, и вонзится... Теперь вы понимаете, что такое «лепесток Ааааму»?..

– Леннар...

– Самое смешное, что Бинго был прав, когда говорил: «Железо падает с неба»! Да! В этом мире так и случается!..

Как раз в этот момент лифт, возносивший Леннара и его спутников, приблизился к перекрытию, зависшему над головами, и нырнул в тоннель лифтовой шахты. На несколько мгновений они оказались в абсолютной темноте, только слабо светился пол под ногами и поблескивали обводы распределительного «столба»,

с помощью которого Леннар привел в движение эту машину. Тут прозвучал короткий, чуть гнусавый звуковой сигнал. Над арочным входом вспыхнули три красных глаза, от которых Ингер и прочие уже не стали в ужасе отшатываться. Прозрачная панель поехала в сторону, освобождая выход.

Леннар улыбнулся и произнес:

– Ну, кажется, мы начинаем нащупывать верную дорогу. Да и я начинаю припоминать... – пробормотал он себе под нос. – Ну... Идем, друзья!

Место, в котором они очутились, оказалось куда более тесным, чем оставшееся далеко внизу серебристо-белое «поле», заваленное человеческими костями. Пространство это хотя бы можно было окинуть взглядом, и самые зоркие глаза могли рассмотреть почти что в подробностях ярко-алую, разделенную серебристыми полосками стену, ограничивающую это новое пространство с той, противоположной, стороны. Ингер, как потомственный крестьянин, выросший на земле, при одном взгляде на место, где они очутились, воскликнул:

– Да это просто какая-то пашня для великана!

Ингер был прав. С небольшого возвышения в несколько человеческих ростов, с которого путешественники обзревали открывшийся перед ними вид, новый уровень в самом деле походил на пашню. Только в роли гряд выступали идеально ровные ряды каких-то черных шкафообразных устройств, назначения и смысла существования которых Ингер и другие арламдорцы не могли себе представить даже близко. Ряды и проходы между ними тянулись насколько хватало зрения до той самой, алой в серебристых разрывах стены и упирались в нее. Примерно посередине этих гряд в пространство взмывали несколько ажурных башен, почти достававших до потолка, видневшегося на высоте приблизительно трехсот анниев над головами беглецов. От башен тянулись белые провода, по которым время от времени пробегали сполохи роскошного ярко-желтого, с зеленоватыми проблесками, живого огня.

Бреник снова бухнулся на колени. Кажется, за то недолгое время, которое они находились в этом странном и поразительном месте, ноги бывшего послушника и не разгибались до конца ни разу. Прочие беглецы замерли. Конечно же они находятся в обители богов. Могут ли быть сомнения?.. Леннар окинул взглядом расстилающийся перед ним гигантский зал. В отличие от того, что находился

уровнем ниже, этот зал можно было оценить в смысле размеров. По всей видимости, от того места, куда грузовой лифт поднял путешественников, до алой стены напротив было никак не меньше двух тысяч анниев. Ширина зала почти достигала тысячи. Высота, как уже было сказано выше, – около трехсот анниев. Бреник, который, верно, сильнее всех чувствовал в данный момент свое ничтожество, вдруг понял, что за ним наблюдают. Жаркий пот вскипел между лопатками, вспузырился на лбу.

Ощущение было слишком острым: наверное, так же осознавала себя разумная блоха, посаженная в огромный стеклянный куб пытливым экспериментатором и изучаемая со всех сторон.

Бреник мучился. Как же, он полагал, что за ним смотрят сами Боги!.. Такие, как Леннар, или намного могущественнее, потому что Леннар стоит тут, рядом, а те, кто вперил в послушника свой недвижный взгляд, – невидимы и вездесущи! Леннар же, которому пока что не удалось разубедить Бреника касательно своей божественности, вздохнул и пробормотал:

– Так... работы тут непочатый край. Один не справлюсь и в тысячелетие! Шутка. Нужно разъяснять...

Инара, которая не проронила ни слова во время подъема на лифте, вдруг спросила:

– Леннар... кто бы ты ни был, бог ли, человек... в любом случае ты должен знать, как мы здесь очутились. Ведь мы были в Проклятом лесу, а потом перенеслись в это место и...

– Вероятно, это и есть секрет Проклятого леса, то есть объяснение тому, почему никто не возвращался оттуда, – медленно начал Леннар. – Ну вот... Надо полагать, что Проклятый лес напрямую примыкает к тем помещениям корабля, в которых размещены посты управления всеми системами жизнеобеспечения и так далее. Я уже упоминал, что вскоре после прыжка звездолетов в глубины галактического пространства здесь, в этом новом мире, начался бунт. Ты меня не понимаешь?.. Конечно нет, но все равно... Последствий этого бунта я не знаю, точнее – не помню. Кроме разве того, что вся накопленная нами информация, все знания оказались замолчаны и забыты. Сложно говорить более определенно, но, вероятно, кто-то давным-давно повредил системы силовых полей

транспортного отсека, отчего и стала возможна бессистемная телепортация, проще говоря, вышвыривание из определенного места Проклятого леса сюда, в транспортный отсек, в лифтовый холл.

Ингер беспомощно оглянулся, верно, подумав, что в результате «заклинаний» Леннара (да простят великие боги, но сколь страшны слова «телепортация», «информация», «система»!) за его спиной должен появиться какой-то жуткий демон. Бреник снова осенил себя священным знаком великого Ааааму. Лайбо и Инара потерянно молчали, даже не шевелясь.

Леннар конечно же догадывался, что творится в их бедных головах. Он произнес очень осторожно:

– Я пока что не знаю, сколько времени прошло с того момента, как предки нынешних жителей Арламдора и смежных земель покинули Леобею, но, думаю, сменилось около трех, а то и пяти десятков поколений. Очень много, по меркам человеческой жизни!.. Потому, конечно, все навыки, все знания растеряны и забыты. Но мы должны наверстать, понимаете? Здесь, вот в этом зале, – он обвел рукой развернувшееся перед беглецами громадное пространство с «грядами» черных аппаратов, – находятся памятные машины индивидуального доступа. Через каждую из этих памятных машин возможно подключиться к контроллерам всех систем звездолета и получить сведения о том, в каком состоянии корабль и что следует делать... гм... Ладно, пока что хватит. – Он махнул рукой, отвернувшись от окончательно вытянувшихся физиономий спутников. – Сейчас проверим, имею ли я доступ к памятным машинам, или... или я был всего лишь мелкой сошкой, винтиком этого строительства, и у меня нет соответствующего ранга. Проверим.

И Леннар не совсем уверенно направился по ступеням широкой, анниев в тридцать, серой лестнице, ведущей от площадки лифта вниз, в зал памятных машин, как они были поименованы в просветляющейся памяти человека с давно канувшей в черный провал небытия планеты Леобея... На последней ступеньке он машинально замедлил шаг и стал крутить головой, словно ища что-то. Этим чем-то оказалась узкая панель на длинном металлическом стержне, немедленно выдвинувшаяся из раскрывшейся последней ступени. Панель поднялась до уровня пояса Леннара, после чего замерла.

– Работает... – вырвалось у него озадаченно. – Датчик соответствия, так, что ли?

И он, помедлив лишь мгновение, положил свою ладонь на панель. Ладонь тотчас же обвело вспыхнувшим малиновым контуром, прокатилось короткое гудение – и над одним из черных аппаратов вдруг встал полупрозрачный голографический столб света, и в нем появилось собственное лицо Леннара. Он даже вздрогнул, увидев себя вот так, со стороны.

«Доступ разрешен, – прорвалось внутри Леннара как бы в обход его воли и безо всякого побуждения с его стороны, – индивидуальная памятная машина, положенная каждому сертифицированному члену экипажа, подключена».

– Работает! – промолвил он с тихим, почти детским восторгом. – И ведь никто многие столетия не прикасался к аппаратам, а – работает!

И Леннар направился между двумя рядами аппаратов к тому, над которым в столбе света висело его собственное лицо, созданное непостижимым для нынешних обитателей этого мира голографическим эффектом. Он чувствовал, что на его спине, скрестившись, топчутся взгляды его спутников. Взгляды остекленевшие, полные самого неподдельного благоговения. Конечно, теперь они окончательно вобьют себе в голову, что он – натуральный бог, с досадой думал Леннар, со всеми атрибутами божественности: своим индивидуальным чертогом, чудесами, мудрыми словечками, да еще и светящимся в отдалении вторым лицом. Бог! Так и подумают, уже подумали... Особенно этот сопляк Бреник, чья голова набита суевериями, как лукошко базарного торговца – грибами сомнительной степени съедобности!.. Да и Инара, Лайбо, Ингер – кто они? Темные крестьяне, которые еще недавно пытались изгнать из него демона, когда он, Леннар, вдруг стал употреблять научные термины... Да! Тяжело будет их переубедить.

Впрочем, есть ли надобность разубеждать? Так они лучше, охотнее будут подчиняться. Тем более что работы – непочатый край. По всей видимости, звездолет уже давно не управляется и идет в космическом пространстве по чистой инерции, будет идти до того момента, пока не затормозится двигателями или же не попадет в поле тяготения какой-нибудь звезды, туманного скопления или планетарной системы. Все эти варианты, выведенные из-под контроля, означают одно: гибель звездолета. Странно, что до сих пор «Арламдор» (пусть он пока что именуется так, решил Леннар), не попал в скопление космической материи, тяготения которого хватило бы, чтобы перемолоть гигантский звездолет, как малое зернышко в жерновах! Ведь вероятность встречи с таким галактическим образованием за бездны времени, истекшие с момента старта

звездолета, куда как велики! Судьба...

Если звездолет не погиб до сих пор, то теперь он, Леннар, не должен дать ему погибнуть во что бы то ни стало. И первым его делом должно быть восстановление двигательной, защитной, диагностической и иных систем корабля. По крайней мере, не все так плохо. Грубо говоря, если на каждом уровне звездолета светит голографическое «солнце», день сменяет ночь, а холодное время года сменяется теплым на протяжении вот уже многого, многого времени, это означает только одно: кондиционные системы, обеспечивающие перепад температур, световой, атмосферный и общий корреляционный режимы, в норме. А это совсем неплохо. Особенно в жутком контексте событий... огромный, сложнейший рукотворный организм, гигантский звездолет, долгое время оставался без управления и все равно сумел обеспечить жизнь многих миллионов людей, уже не помнящих родства...

Леннар поднял голову, чтобы еще раз рассмотреть световой столб, поднявшийся над его личным идентификационным аппаратом, памятной машиной... но вдруг страшный удар обрушился на его голову, и ему показалось, что какие-то желтые щупальца оплели его череп и сжали до полной иллюзии лопнувших костей. Леннара перевернуло и бросило оземь...

Счастье, что он успел сгруппироваться и не грянуться головой о металлический пол, иначе – могло быть существенно хуже. Небытие, смерть. Но ему удалось сохранить над собой контроль настолько, что он сумел перевернуться на спину и увидеть над собой – в предательской волнистой пелене дурноты – высокого, очень худого человека в бесформенной кожаной накидке с бахромой, в широких кожаных же коричневых штанах, повисших на бедрах и сильно вытертых по бокам и на коленях. Голова этого человека, костистая, совершенно лишенная волосяного покрова, блестела. На поясе незнакомца болталась секира с блестящей деревянной рукояткой и с массивным набалдашником. Узкое лицо, подмалеванное черной краской (примитивный узор на щеках, обводы под глазами), выглядело угрожающе и свирепо. «Дикарь, – мелькнуло в голове Леннара, – в Арламдоре такие не живут... С другого уровня... и...»

Дальше ему было не до размышлений, потому что длинный с молниеносной быстротой сорвал с пояса секиру и, занеся ее над головой, издал пронзительный душераздирающий вопль, от которого за сто шагов несло боевым кличем людоеда.

...Спутники Леннара, ставшие невольными свидетелями этого неожиданного нападения, несколько лучше разбирались в особенностях национальной одежды тех или иных обитателей смежных земель. Они с ужасом узнали представителя этноса воинов-наку.

Легендарные племена наку жили в Нижних землях, в Эларкуре, именуемом Дном миров. Они славились своей исключительной воинственностью и свирепостью. Такой, что сами Ревнителю предпочитали без особенной на то надобности не соваться в земли наку и устанавливать здесь свои правила. Не потому, что наку дрались лучше Ревнителю Храма, нет! – как и положено, Ревнителю в боевом искусстве превосходили и воинов-наку. Просто наку были таким непокорным, упрямым и неуживчивым народом, что идеи Храма не могли войти в их головы даже через кровь, боль и внушения. Более того, наку не верили ни в каких богов, и единственное, чему они доверяли, – их верная секира, зажатая в крепкой руке, собственной или верного друга. Больше чем по двое наку не объединялись. Они постоянно воевали между собой, потому что никто иной не осмеливался бросить им вызов, а Храм Благолепия просто не считал нужным. Ибо покорить Эларкур означало – обезлюдить его и заселить заново. А кому он нужен?..

Куда безопаснее и действеннее обрабатывать жителей Арламдора, Ганахиды или Кринну, чем соваться к неотесанным, свирепым и безбожным наку из Эларкура.

И Ингер и его спутники впервые видели живого наку. Для них предания о жителях Дна миров были сродни страшной сказке, в которую не очень-то веришь... А тут...

– Наку! Проклятый шестипалый!... – вырвалось у Инары.

Все замерли.

...Вот такой милый человек напал на Леннара со спины, выскочив из-за корпуса памятной машины. Быть может, «божественная» карьера Леннара могла бы оборваться здесь и сейчас же, если бы наку не уделял столько внимания внешним эффектам, то бишь не тратил столько времени на испускание бешеных воплей и воинственное потрясение секирой. На счастье человека из Проклятого леса, не ожидавшего нападения здесь!.. Воин-наку проплясал вокруг поверженного Леннара какой-то дикий танец и только потом решил, что следует

добить врага. За эти несколько мгновений Леннар успел сосредоточиться и немного прийти в себя.

И потому, когда воин-наку замахнулся секирой и с ревом опустил ее, метя в грудь Леннара, последний успел перекатиться в сторону и, поднявшись на ноги, отскочить спиной к шеренге мертвых шкафообразных аппаратов. Секира лязгнула о пол и, взвизгнув, надломилась. Ох, перекалили оружие в Эларкуре, покойный кузнец Бобырр, при всей его несносности и склонности к безудержному пьянству, сделал бы гораздо лучше! Леннар вцепился в наку мгновенным оценивающим взглядом, как выстрелил, и – прыгнул! Выбросил вперед свое до отказа собранное, скоординированное тело, выстелился в этом прыжке, выверенном с высокой точностью.

Секира наку еще раз бесплодно взрезала воздух, но следующий удар нанес уже не дикарь в кожаных штанах и накидке с бахромой.

Следующий удар был за Леннаром.

Он мягко кувыркнулся по полу и «вынырнул» уже за спиной несколько озадаченного наку, после чего нанес короткий удар точно в основание черепа. Наку содрогнулся всем телом и упал неловко, плашмя. Секира покатилась по полу. Воин-наку вытянулся во весь рост и, чуть приподнявшись на одном локте, слабо тряс головой, словно стараясь стряхнуть туман. Леннар подхватил секиру и, склонившись над воином, спросил, глубоко выдохнув:

– Ты откуда тут взялся? Тоже... через Проклятый лес? Или с другого уровня, а?

Воин пробубнил, сверкнув косящим глазом:

– Добивай, демон, чего смотришь! Если ждешь, что я буду просить пощады, так нет же. Воины моего племени умирают с достоинством и не лижут ступни победителя, если суждено потерпеть поражение.

– Понятно, – выпрямляясь, сказал Леннар. – Не из Арламдора. Там такая пышная риторика не в ходу. Закон запрещает.

– Это пес из племени наку! – раздалось за спиной Леннара, и к нему подбежали весельчак Лайбо и запыхавшийся экс-послушник Бреник. Фразу произнес именно он. – Они рождаются дикими и дикими же умирают, и даже всемогущий Храм не может их приручить!

– Ну, это скорее вызывает уважение, – сказал Леннар. – Вставай, воин. Никто не собирается тебя убивать. Конечно, если ты дашь слово больше не кидаться на меня со своей дурацкой секирой. Так ведь и убить ненароком можно, право.

Наку поднялся. Его подведенные, глубоко посаженные темные глаза присматривались к Леннару с некоторым удивлением. Вероятно, среди ему подобных помилование врага, который только что чуть тебя не убил, было редкостью сродни снегу в июльский полдень.

– Меня зовут Кван О, я из племени наку, род Белого Гамдирила. Я даю тебе слово, что не подниму против тебя оружие. Отдай мне секиру. Без нее я обещен и даже не мужчина.

– Не надо, прошу тебя, не отдавай, господин!.. – пискнул Бреник.

Леннар молча протянул секиру воину из племени наку. Тот принял ее и вдруг, резко упав на одно колено, задрал штанину и с силой провел лезвием секиры по голой голени. Потекла кровь, ручеек достиг ступни и стек на пол. Храбрый наку Кван О обвел свою босую ногу пальцем по контуру и произнес медленно, глуховатым, чуть напевным голосом:

– Пусть этот след вспыхнет адским пламенем, которое пожрет меня, если я подниму против тебя оружие и предам тебя. Вся моя кровь – тому, кто вернул мне проигранную жизнь.

«Красивый обычай, – подумал Леннар, – наверное, у представителей этого народа принято давать такую клятву в отношении тех, кто оставляет им жизнь. И, наверное, это большая редкость».

– Меня зовут Кван О, – повторил воин, – я охотился возле Желтых болот, проклятых предками, и упал в омут. Очнулся в каком-то уже сухом, безмолвном месте. Я подумал, что попал в те места, где упокаиваются воины моего рода. Но потом я узнал, что это не так.

И он вскинул руку, давая этим понять, что говорит истинную правду. Леннар обратил внимание, что у него шестипалая кисть.

«Желтые болота, проклятые предками, это, наверное, аналог Проклятого леса на другом, нижнем, уровне, – подумал Леннар, – место со смещением в контурах силовых полей, что и приводит к бессистемным телепортациям. Гм... Голова, лишенная волос, на лице нет ресниц и бровей, не растут борода и усы... Шесть пальцев... Следствие мутации? Самый нижний уровень напрямую примыкает к блокам основной и резервной энергосистем...»

– А почему ты подумал, что это все-таки не загробный мир твоего племени? – спросил он.

– Потому что здесь я встретил жалкого жирного торговца, которого никогда не пустили бы в мир, где отдыхают погибшие воины, – ответил воин-наку. – Этот толстый урод из Ганахиды попал сюда вместе со своим ишаком, за которым он бросился вдогонку, когда тот убежал в лес. Как сюда попал, он и сам не понял. Его ишак был навьючен мешками с вином и вяленным мясом. Торгаш не мог потерять гроши, которые он хотел выручить за свою жалкую поклажу, и сгинул вместе с ишаком. Эй, торгаш!

В проходе между рядами показался тощий невзрачный человечек с уныло обвисшими щеками. Между этих щек торчал нелепый длинный нос. На узких покатых плечах и длинной жилистой шее сидела всклокоченная голова с красными ушами, существующими словно бы независимо от прочих органов. Меньше всего внешность этого замученного человека соответствовала эпитетам «толстяк» и «жирный», которые употребил применительно к его персоне воин-наку. Рыжие усы, похожие на две метелки, нелепо торчали в стороны, и неряшливая рыжеватая щетина тоже не красила физиономию унылого индивида.

– Это и есть твой толстый торговец? – спросил Леннар, усмехаясь. – М-да, если он толстяк, то Ингер – коротышка. – И он хлопнул рукой по мощному плечу возникшего рядом рослого кожевенника.

– Он похудел, – ответил воин-наку. – Хотя жратвы с ним много. Но он с перепугу ничего не ест. Совсем ничего. Я недавно даже заставил его отрезать и съесть кусок мяса, а потом запить вином. Хоть он и тюфяк, а не след мужчине подыхать с голоду, как бессловесной скотине. Если бы он отказался, я бы его убил. Лучше

умереть от честной стали, чем от пустого желудка, бескормицы. Верно я говорю, друг?

– Зови меня Леннар. А говоришь ты верно. А ты, я смотрю, выглядишь вполне сытым. Резвишься вот, на меня напал. Значит, силы есть. Ты, наверное, подумал, что я демон. Час от часу не легче. Потому что некоторые из моих спутников вбили себе в голову, что я – бог. Может, и не из первых, но все равно небожитель.

– Я не верю ни в каких богов! – произнес Кван О, свирепо раздувая ноздри. – И мне все равно, кто ты такой – чужеземный ли бог, хитрый ли демон или еще какое порождение не человеческого рода. Я верю только в свою секиру и крепкую руку, и еще я знаю, что ты сохранил мне жизнь, хотя имел и возможность и право убить меня, потому что я напал на тебя первым! Но ты сделал выбор. И потому я готов биться за тебя хоть со всеми порождениями зла!

– Вот такие люди мне и нужны, – сказал Леннар. – Отлично, Кван О. Ты говорил, что у твоего товарища по несчастью...

– Он мне не товарищ!..

– Хорошо, вот у этого торговца есть ишак? Прекрасно. Как тебя зовут? – обратился он к тощему «толстяку».

– Куль, – проблеял тот.

– Куль?

– Ну да... господин.

– Отлично, Куль. А где же твой ишак, из-за которого на тебя обрушилось столько напастей?

– Ходит где-то здесь, скотина. Куда он денется? Мы тут вот уже несколько дней. Не знаем, как отсюда выбираться. Я думал, это ад. В моих родных местах, в Ганахиде, возле города Крейо есть Язва Илдыза, и креарх города за малую провинность повелел загнать меня туда, чтобы меня с моим ишаком сожрали

твари Илдыза. Мол, если я пройду через всю Язву и выйду на противоположной стороне, то, мол, пресветлый Ааааму не гневается на меня, а если нет... – И он развел руками.

– Говорят, твой ишак навьючен вином и мясом? У нас тоже есть припасы, но в нашем случае никакая еда не будет лишней.

– Ты совершенно прав, господин, – покорно проговорил торговец Куль и, сунув два пальца в рот, вдруг оглушительно засвистел – так, что его рыжие усы встали торчком!

Леннар захохотал. Уж слишком забавно выглядел Куль и уж совсем не соответствовал разбойничий этот, залихватский свист его потертой, помятой внешности. Но это было, понятно, еще не все. Послышался приближающийся цокот копыт, и между рядами показался искомый ишак. По бокам его раскачивались наполовину опустошенные мешки, затянутые ремнями. Ишак промчался по проходу между памятными машинами со скоростью неплохого скакуна и остановился перед хозяином как вкопанный. Леннар снова засмеялся:

– Серьезная у тебя животиная, Куль. Скоростная. А что там, в мешках?

– Вино и мясо, господин. Вино неплохо бы пить подогретым, как принято в моей стране. Да и мясо не мешало бы на огне... но огня не добыть. Только демонский огонь горит высоко над нами, – торговец съежился, ткнув пальцем в сторону высоченных ажурных башен и тянущихся от них проводов, по которым пробегали сполохи огня, – да если бы даже я мог протянуть руку и достать этот огонь, я не посмел бы!..

– Ладно, – решил Леннар, – идите к площадке у лифта, там и перекусим. Ингер и ребята вам покажут, куда идти. Вон туда! А я пока что попробую разобраться кое в чем... Может, и огонь найдем, и много чего еще. Идите, идите, – энергичным жестом показал он.

Оставшись наедине с аппаратом, над которым все еще висело в дымном столбе света его собственное изображение, Леннар попытался максимально сосредоточиться, сжал пальцами виски и, застыв, остановил взгляд на клавиатуре машины. Он непременно должен вспомнить и воспроизвести, как воспользоваться всем этим. В голове всплыли, завертелись слова и

словосочетания, которые он пока что не знал к чему применить: «анализатор», «буфер обмена», «диспетчер охранных кодов», «операционная система», «файловое администрирование». Леннар поднял голову и взглянул прямо в зеркальную темную панель, отразившую его лицо. Экран. Да, так это называется.

Он протянул руку и коснулся угловой кнопки, в глубине которой мерцал зеленый датчик.

Экран вспыхнул, залившись голубоватым светом. С невероятной скоростью промелькнули какие-то колонки символов, полыхнула беззвучная вспышка, распавшись на рой бешено крутящихся хищных спиралей; проступило объемное изображение, и глубокий голос произнес короткое приветствие. Леннар встретил взгляд человека, глядящего на него с экрана и казавшегося необыкновенно, невероятно живым, словно отделенным от него тонкой прозрачной перегородкой, не искажавшей ни звуков, ни красок, не скрадывавшей полутонов. Человек был в светлом комбинезоне с двумя нагрудными карманами, волосы перехвачены темной лентой с поблескивающими на ней вертикальными металлическими стержнями; от ленты тянется тонкий черный провод наушника, к виску прикреплен датчик. Но не обратил Леннар на все это внимания, потому что смотрел только на лицо человека.

Это, как легко догадаться, был он сам.

Второй Леннар по ту сторону экрана протянул руку (вдвое большую, чем у оригинала) и произнес несколько слов, которые не успел понять тот же Леннар, пронизавший бездну времен. После этого человек с экрана исчез, и появились несколько столбцов с буквами, цифрами и символами. Леннар прищурил левый глаз... и вдруг без труда понял, что означают эти столбцы и колонки. Он подался ближе к экрану и пробежал пальцами по клавиатуре, не столько преследуя конкретную цель или задавая определенный поиск, но скорее проверяя, может ли он справиться с операционной системой, способен ли работать с информацией и выводить ее на экран в полноформатном режиме.

Ах, как был прав, совершенно прав старший Толкователь Караал, когда говорил о «затемненной» памяти Леннара и о том, что рано или поздно произойдет просветление!

– Схема звездолета... – пробормотал Леннар. – Нужно задать поиск. И еще не мешало бы найти что-нибудь для сносной стряпни. В конце концов, от Ревнителей ушли, мнимых чудовищ Проклятого леса избежали, так что теперь нет никакого смысла помирать с голоду или есть пищу сырой.

На экране возникло объемное изображение того, что многие поколения считали своим единственным и родным миром, посланным им богами и самим Ааааму, чье истинное Имя неназывается. Звездолета «Арламдор». Настоящее имя этого титанического сооружения леобейской цивилизации было написано тут же, оно высветилось цепочкой древних символов, но Леннар, который уже называл звездолет по-другому, не стал запоминать громоздкое наименование, включавшее в том числе и сложный цифровой код.

Он стал рассматривать общую схему звездолета, трехмерное изображение, медленно вращавшееся на экране. В самом упрощенном виде звездолет представлял собой усеченное эллипсоидное тело, соотношение длины и максимальной ширины (в первой трети корпуса) – примерно три к двум. А если еще проще, он походил на камбалу с обрубленным хвостом и гипертрофированно широкой головой, где сосредоточились все базовые отсеки и посты управления функциональными комплексами и системами безопасности.

Леннар качнул головой и укрупнил схему транспортного отсека на весь экран. Отсек, вертикальная шахта громадных размеров, проходил через все десять уровней звездолета. В данный момент Леннар и его спутники находились в так называемом втором база-накопителе, в просторечии зале памятных машин № 2, примыкавшем к транспортному отсеку четвертого уровня. Четвертый уровень, Верхнее по отношению к Арламдору королевство – это земля Ганахиды, где правит король Ормазд II, припомнил Леннар.

Они находились в носу корабля. Доступ к Центральному посту можно было получить, только пройдя через медицинский отсек, уточнил Леннар, сверившись с трехмерной схемой. Уточнив маршрут и коды доступа (счастье, что он удачно прошел идентификацию, следовательно, в самом деле являлся полноправным членом экипажа!), Леннар запросил аналитический отчет о состоянии систем и, получив серию ответов, нахмурился.

Слишком много информации, которая даже в предельно структурированном и унифицированном виде была сложна для восприятия. Конечно, могло ли быть иначе!.. Ведь она выдавалась по умолчанию в расчете на подключение сразу

нескольких десятков разносторонне ориентированных по специализациям человеческих интеллектов, аналитиков, каждый из которых был узким специалистом в своей области. Леннар вздохнул и отвернулся от экрана, по которому зелеными и красными потоками бежали столбцы, таблицы, общие и локализованные схемы; нет смысла пытаться сразу впитать эту информацию. Нужно время! Есть ли оно?..

Собственно, там, где прошли жизни нескольких десятков поколений, пройдет и его, Леннара, жизнь – потому что на то, чтобы хотя бы приблизиться к оптимизации деятельности систем корабля, потребуется целая жизнь. И не его одного, Леннара, – многих людей, обученных, компетентных, энергичных. С мощным интеллектом.

Откуда взяться им в этом диком мире, где задушена всякая новая мысль, всякое свежее веяние? Где, как спичка в перенасыщенном углекислотой спертом воздухе, гаснет любое естественное намерение совершенствовать уклад жизни? Леннар сделал резкое рассекающее движение ребром ладони и пробормотал:

– Так! Не нить! Что же ты хотел?.. Хорошо быть малодушной сволочью. Думаю, предложи я свои услуги Ревнителям, меня охотно взяли бы. Да хоть на место этого Моолнара. А вот, к несчастью, занесло меня... Ладно! Отойдем от глобальных задач. Как тут насчет кухонного оборудования? Поиск... та-а-ак! Тут поблизости имеется вспомогательный пищевой отсек № 1265, литера К. Грубо говоря, самое близкое место, где можно перекусить... Вот это уже лучше. Где? Вход... Дверь между пятнадцатым и шестнадцатым аппаратами, что у стены. Микроволновые камеры для приготовления пищи. Гм... Загружаем инструкцию по применению. Так... так... так! Ясно. Можно идти туда, разогревать еду и есть. Что там еще имеется? Пищевые автоматы, питательные смеси неограниченного срока хранения? Очень хорошо! Все, все, все! – экспансивно воскликнул Леннар, отворачиваясь от аналитико-информационной машины и глядя в проход между рядами таких же разумных аппаратов, туда, где у лифтовой площадки торчали фигуры его спутников. Они крутили головами и время от времени поглядывали на своего «божественного» предводителя.

Вскоре вся братия уписывала за обе щеки разогретое мясо, взятое у торговца Куля. Леннар просто положил его в микроволновую камеру, и через несколько мгновений оно было готово к употреблению.

– Налетайте! – пригласил он.

Некоторое время тишина не нарушалась ничем, кроме громкого, энергичного чавканья. Общий порыв чревоугодия оказался весьма завлекателен. Манерами никто себя не стеснял, даже Инара. Леннар однако же ел скромнее всех, подумав, что не стоит злоупотреблять кулевским мясом. Мало ли...

– А где ты так здорово научился драться? – спросил его Кван О, с аппетитом разжевывая кусок мяса. – Я сам неплохо машу секирой и на кулаках горазд, но такого, как ты, давно не приходилось... Лихо ты меня огрел. Кто учил-то, а?

Бреник открыл было рот, чтобы возразить против такого панибратского отношения к божеству (после того как Леннар чудесным образом подогрел мясо, поместив его в чудодейственный ящик, он только укрепился в своем мнении), но он не успел ничего сказать. Потому что заговорил Ингер. Этот уже прилично выпил вина и потому держался заметно раскованнее, чем до трапезы. Он сказал, подозрительно поглядывая на человека со Дна миров:

– А ты еще не видел, воин-наку, как он колошматил Ревнителей. Это ж вообще не бывает такого! Тебя-то он еще несильно приложил.

– Несильно, – проворчал Кван О, – до сих пор шею повернуть больно, а в башке гудит, как в пустом медном котле, куда забыли налить похлебку. Ничего себе – несильно... Так где драться учили?

– Было дело... – задумчиво протянул Леннар.

После работы с памятной машиной он был погружен в себя и мало прислушивался к тому, что говорят и делают его спутники. Собственно, кое-какие догадки о том, где он мог научиться так драться, у него имелись. Леннару удалось установить для себя, что в свое время он входил в так называемую Гвардию Разума, кажется, являлся одним из руководителей ее. Гвардией Разума называлось особое подразделение, укомплектованное прошедшими серьезный отбор молодыми людьми из числа строителей и членов экипажа звездолетов проекта «Врата в бездну». Психофизические данные, координация и мышечная моторика этих людей были исключительными, кроме того, они прошли подготовку по эксклюзивным методикам и, в качестве последнего штриха, были геномодифицированы. Участники проекта, в отличие от ханжей из числа религиозных фантиков «чистоты», не стеснялись пользоваться всеми достижениями могучей цивилизации Леобеи.

Конечно же Леннар не стал объяснять все это Квану О и прочим: для него самого оставалась бездна неясностей, неточностей, темных мест. Но они, как «затемненная» еще недавно память его, должны проясниться, непременно должны!..

Леннар поднял нож с нанизанным на него куском мяса и выговорил отчетливо, внятно, сопровождая свои слова скупой, но выразительной мимикой:

– Буду краток. Говорю один раз и не повторяю. Все вы должны усвоить три истины.

Во-первых. Я не Бог! Просто я современник той цивилизации, что создала этот мир, где мы сейчас находимся и который является для всех вас родиной. Это понятно? Как мне удалось прожить такую пропасть времени, я пока и сам не знаю, есть предположения, но пока что не время их озвучивать. Дальше...

Во-вторых. Мир этот – огромный звездолет, назовем его условно «Арламдор», по наименованию королевства вашего доброго монарха Барлара Восьмого.[1 - На тот момент, к которому относятся описываемые события, королева Энтолинера еще не взошла на трон, а правил ее любезный папаша, король Барлар.]

Звездолет огромных размеров, называть которые вам бессмысленно, потому что вы все равно не сумеете оценить масштабов – пока не сумеете. Он состоит из восьми уровней, один над другим, каждый из которых имеет на своей территории отдельное государственное образование. Главное сообщение между уровнями – транспортный отсек в головной части корабля, но ваши современники – хорошо, наши современники! – им не пользуются, потому что вследствие аварии подступы к транспортному отсеку заблокированы смещенными силовыми полями. И потому считаются табуированным, проще говоря, проклятым местом. Значит, между уровнями существуют другие переходы, и координаты их я еще выясню.

В-третьих. Вся система Верхних и Нижних земель, жилые отсеки, контролируется Храмом Благолепия. Возможно, жрецы имеют какую-то фрагментарную информацию об истинном происхождении этого мира. В частности, на это может указывать их поведение в отношении меня. Аутодафе на площади Гнева, как заметил Бреник, просто так не назначают. Впрочем, помимо жилых пространств имеются технические и служебные помещения. Имеется Центральный пост, где сосредоточены рычаги управления всеми

системами корабля.

Все понятно? Не все? А, ничего не поняли? Так я и думал. Ну ладно. Ничего. Еще многое предстоит понять даже мне самому, так что от вас я ничего пока что не требую... Кроме беспрекословного повиновения.

Глава 4

– Даже мне самому, Энтолинера, – проговорил Леннар. – Да, мне удалось раскрыть тайну Проклятого леса, которая оказалась не такой уж и зловещей. И много других тайн. Но главное, как мне кажется, еще впереди.

Они уже въехали в Проклятый лес. Нет, не потребовалось преодолевать овраг, да и не прошел бы здесь тяжелогруженный фургон, застрял бы со всеми припасами, с оружием и пищей. Леннар предложил другой въезд в этот лес, ставший притчей во языцех всего королевства Энтолинеры. Он знал, что говорил: от опушки в глубь леса вело даже нечто вроде дороги, с ухабами, с ямами, заросшей сорной травой и – по обочинам – колючим кустарником, но все-таки – дороги. Что в условиях Проклятого леса следовало приравнять к центральному проспекту арламдорской столицы.

Благородный тун Томиан, виновник стольких несчастий, к тому времени уже очухался и теперь отравлял жизнь всем находящимся в фургоне своим бубнежем.

– Едем к Илдызу в пасть... был же знак, что не надо... встретили того жреца... и черный амулет, который... во имя Катте-Нури и пресветлого Ааааму, нужно отказаться от...

Только когда Леннар пообещал врезать ему по башке ножнами, тун Томиан несколько уgomонился. После того как Леннар достал его из зарослей репейника, бравый гвардеец проникся к тому некоторым почтением. Скакавший впереди с четырьмя уцелевшими гвардейцами (пятым, как понятно, и был тун Томиан) альд Каллиера то и дело вертел головой и раздувал ноздри. Леннар, поднаторевший в бесхитростной риторике подчиненного альду Каллиере

воинского элитного подразделения, без труда читал на его лице и по губам проклятия, сводящиеся все к тому же: дескать, нас тащат в самую пасть Илдыза и всех его демонов!.. И далее: сколь же доверчива королева, наивна, как все женщины, что согласилась на путешествие в сопровождении самого знаменитого возмутителя спокойствия в Арламдоре и смежных землях!

Лес вдруг кончился. Оборвался, словно круча. Всадники выехали на широкую поляну. Поляна как поляна. Ветви деревьев, застенчиво заслоняющие ближние подступы к ней. Зеленая трава, засевающие в траве скромные желтые цветы, стрекот кузнечиков в подступающей ночи. От остывающей земли поднимается тонкий травяной аромат. Альд Каллиера, который, верно, куда больше готовился встретить в глубине леса народное ополчение демонов, зубастых, клыкастых и когтистых, в общем, существ малоприятных и не располагающих к романтическим грезам, – крайне удивился. Он крутился на осле туда сюда, приминая нетронутую траву, потом выхватил саблю и принялся рассекать ею густеющие сумерки.

Леннар некоторое время наблюдал за беллонским аэргом, потом произнес:

– Ну, благородный альд, я могу понять ваш боевой задор, но воевать тут, поверьте уж мне, не с кем. Нам следует пересечь поляну. Видите, там, у противоположного ее края, начинает клубиться туман? Нам туда. Там вход.

– Вход куда?! – крикнул альд, в котором в этот момент как никогда сильно всколыхнулись многочисленные суеверия, которые обильно порождали туманные земли Беллоны.

Леннар ответил:

– Обитатели здешних окрестностей называют это чертогом Илдыза. Довольно поэтичное наименование. У меня есть подозрение, что кто-то все-таки сумел выбраться оттуда, а то как вообще возникли эти легенды? Впрочем, я могу ошибаться. Так или иначе, нам воо-о-он туда.

...Леннар не ошибался по меньшей мере в одном: по ту сторону поляны, там, где еще недавно виднелись кроны деревьев, клубился, разрастаясь и набухая, густой, ноздреватый, синевато-бурый туман. Он поднимался, словно тесто на опаре, подминал под себя и зеленую нежность предночной травы, и темные тени

деревьев, и шорох листьев, и величавый взлет стволов... Туман достиг почти что середины поляны, прежде чем альд Каллиера решил как-то отреагировать на сообщенную Леннаром новость.

Он взмахнул рукой и, пришпорив осла, поскакал по направлению к темным, тяжело припадавшим к земле хлопьям тумана.

Леннар выпрыгнул из фургона и, присев на корточки, гневно стукнул кулаком по земле.

– Стой! – крикнул он не в меру прыткому беллонцу. – Да стойте же, демоны вас заберите! Я же просил, чтобы все слушали меня!.. Кто против, может посоветоваться вот... хотя бы с туном Томианом, что ли!

– Подожди, альд! – крикнула и королева, и в ее голосе слышалось явное беспокойство. Энтолинера уже имела возможность убедиться, что предостережения ее странного провожатого – не пустые слова. – Подожди, я приказываю тебе!

Альд остановился. Четверо его соотечественников-гвардейцев немедленно последовали его примеру. Рев замученных ослов, остановленных на полном ходу, огласил тихую поляну. Леннар проговорил, ровно улыбаясь (но было что-то такое в его улыбке, обрадовавшее Энтолинера, что она заставила своих сопровождающих подчиниться этому человеку):

– Видите ли, уважаемые. Не надо торопиться. Я должен уведомить своих людей, что мы на месте. Нужно, чтобы они отключили защиту.

– Защиту? – встрял в разговор Барлар.

– Именно так, – подтвердил Леннар.

Конечно, он не стал распространяться о сути поставленной защиты. Собственно, можно было это сделать: в самом скором времени он собирался поведать Энтолинере и ее сопровождающим о куда более сложных вещах, плохо укладывающихся в голове жителей Арламдора или не укладывающихся вовсе. Для того чтобы никто любопытный не попал случайно к входу, указанному

Леннаром, по полупериметру искомой поляны (с той стороны) были установлены довольно простые инфразвуковые излучатели.

Даже не смыслящему в технике человеку с Леобеи известно, что инфразвук, или низкочастотные звуковые волны, оказывает воздействие на мозговые центры, ведающие эмоциями. В частности, на те, что ведают страхом. Выставленные Леннаром характеристики испускаемых излучателями инфразвуковых волн позволяли добиться действенных результатов: каждого, кто попадал в поле воздействия излучателей, охватывал непреодолимый, жуткий страх, заставлявший бежать прочь без оглядки. Собственно, тот же характер воздействия на человеческий мозг наблюдался и в Проклятом лесу, где (при известном уже нам смещении силовых полей) тоже имелись проникающие инфразвуковые излучения. Под их воздействием человеку впечатлительному и обладающему живым воображением могли явиться кошмары такие зримые, выпуклые и реальные, что он легко мог принять их за действительность. Вне всякого сомнения, тот сошедший с ума от страха человек, описанный послушником Бреником при побеге из деревни Куттака, попал под воздействие именно такого источника излучения, и его рассудок просто не выдержал испытания.

Леннар выждал несколько мгновений, не отрывая взгляда от рыхлых клочьев тумана, в котором вдруг проскочило несколько длинных электрических разрядов; потом запрыгнул в фургон и проговорил:

– Можно ехать. Защита отключена.

Фургон тронулся. Альд Каллиера несколько раз проскакал вокруг него, стегая своего доблестного осла-скакуна, а потом, словно выпущенный из пращи камень, ринулся в чрево тумана. Энтолинера сказала обеспокоенно:

– Как бы он в этом тумане не напоролся на ветви деревьев или, того хуже, не врезался в ствол какого-нибудь старого дуба.

– Успокойтесь, моя королева, – с добродушной иронией заметил Леннар, – если благородный альд хочет сломать себе шею, то там у него точно ничего не выйдет. Никаких деревьев за этим туманом просто нет.

– Как – нет? Я же сама видела!

– Да вот так – нет. Это голографический мираж. На самом деле там вход. Я же говорил. Вход в переходной тоннель. Там нам придется расстаться и с фургоном, и с ослами, они пока что не потребуются. Дальше я берусь доставить вас на место собственными силами. – Леннар глубоко вздохнул и добавил: – И, я думаю, это место понравится вам.

– Да уж несколько не сомневаюсь, – немедленно подал голос неисправимый тун Томиан. Его могучий организм уже справился с недавней встряской и жаждал новых приключений. – Не иначе как покажете нам демонские бездны самого Илдыза. Кстати, а эти... демоны бабского пола... демонессы... они н-ничего? Не пучеглазые, не кривоногие?.. А сиськи у них как – ничего?

– Тун Томиан! – негодуяще воскликнула королева.

– Вы, тун, чрезвычайно любознательный человек, а я таких люблю, – откликнулся Леннар. – Не знаю, как там насчет демонесс, особенно кривоногих и пучеглазых, с грудью или без, это все зависит от количества выпитого, а вот бездну вы в самом деле увидеть сможете. Да! Об этом предупреждаю заранее. Вставайте, тун Томиан, дальше – своими ножками.

Он произносил эти слова в тот момент, когда прямо перед мордами рослых ослов, тянувших фургон, выросло небольшое строение-башенка в виде усеченной пирамиды, высотой приблизительно в два человеческих роста. Всю фронтальную плоскость башенки занимали простые металлические ворота на петлях.

Королева Энтолинера, уже настроившая себя на мгновенную встречу с необычным, экстраординарным, подняла брови: примерно такие же воротца имелись у каждой из бесчисленных кладовых в монаршем дворце.

Обе створки ворот распахнулись, и в полусферическом проеме показался высокий костистый человек в темной накидке, с совершенно безволосой головой и неприятно острыми чертами лица, с глубоко посаженными глазами. За его спиной прорисовались контуры какого-то цельнометаллического сооружения с откинутой на петлях крышкой просторного люка. Сооружение заполняло собой весь узкий тоннель.

Человек в темной накидке кивнул.

Увидевший его альд Каллиера тотчас же схватился за эфес сабли. Кому-кому, а его светлости приходилось иметь дело с разбойниками из Эларкура, этими проклятыми головорезами из племени наку! Конечно же привратник (или кто он там был) увидел это более чем явное движение Каллиеры, но ни один мускул не дрогнул на его спокойном лице.

– Здравствуй, Леннар. С возвращением, – сказал он глуховатым, глубокого тембра голосом. – Приветствую всех. Оружие оставьте здесь. И все крупные металлические вещи – тоже.

– Почему? – взъершился альд Каллиера.

Леннар хотел ответить, что в лифтовой шахте (именно здесь они сейчас находились) используются магнитные гасители инерции, и потому тех, кто имеет на себе крупные металлические предметы, может просто искалечить, бросив о стену и даже о потолок. Но он обошелся куда меньшим количеством слов, сказав:

– Потому что я просил вас слушать меня во всем. Так что повинуйтесь, почтенный. Или оставайтесь в лесу, если не желаете принимать наших правил.

– Оставить с вами Энтоли... королеву?! – образцово-показательно возмутился Каллиера. – Я ее сопровождаю, и я буду с нею до конца.

– До конца? Да мы уже почти пришли. Остаток нашего пути будет совсем кратковременным. Прошу вас, господа. Кван О, помогите ее величеству войти в люк. Вот так. Теперь вы, господа гвардейцы. Позвольте, я помогу вам, тун Томиан, а то вы волочите ногу. Даже не думайте отказываться от моей помощи!..

Наконец Леннар, воин-наку Кван О, королева Энтолинера и шестеро ее офицеров оказались внутри. Последним прошмыгнул воришка Барлар, и Кван О сильной рукой закрыл люк и до отказа повернул массивный винт посередине его.

– Госпожа королева, господа аэрги, – проговорил Леннар, и по тому, как еле заметно дрогнул его голос, можно было догадаться, что именно с этого момента (а вовсе не со вступления в пресловутый Проклятый лес) начинается то самое загадочное, непостижимое... Словом, то, ради чего и было предпринято путешествие королевы из уютного дворца в Ланкарнаке в – неизвестность, по

сути. Леннар продолжал: – До сих пор вы должны были верить мне только на слово. Теперь мы вступаем на территорию, где каждый шаг, каждый поступок я могу подтверждать и доказывать на наглядных примерах. Так вот, в данный момент мы находимся в лифтовой шахте, внутри автономного лифтового отсека, или турболифта, который передвигается по данным шахтам в любом направлении. Скажу только, что спустя ничтожно малое время мы можем оказаться практически в любой точке нашего мира. На любом уровне, в любом государстве, где имеются выходы. Собственно, при помощи этих транспортных шахт, которые пронизывают этот мир, как кровеносная система, я и мои люди и оказываемся в Арламдоре и в Верхних и Нижних королевствах беспрепятственно и незаметно. Точно так же и исчезаем.

– Да ну!.. – бесцеремонно влез Барлар, окидывая взглядом стены лифтовой камеры, вполне способной вместить не менее тридцати человек. – Что, вот эта штука... тубро... турболифт... может закинуть нас куда угодно... ну... хоть в Элларкур, к этим бешеным наку, в чьи земли мало кто проникал и уж точно почти никто живым обратно не приползал?.. А?

Тут он взглянул на Квана О и прикусил язык. Воины-наку больше всего не любили болтунов и в случае чего могли зарезать за одно неосторожное слово. В крайнем случае – ограничивались вырыванием языка и сопутствующим выкалыванием глаз.

Но Кван О, как убедился Барлар в самом скором времени, был особенный наку. Он обозначил на лице сухую улыбку, отчего в уголках рта проступили глубокие морщины, и отозвался:

– Я тоже не верил. Я был точно так же неразумен и глуп, как вот ты сейчас, и потому...

– Почему это я неразумен и глуп? – обиделся Барлар и незаметно пнул пяткой стену лифтовой камеры.

– ...потому бросился на своего учителя с секирой. Но мне вправили мозги на то место, где им и положено находиться, – продолжал наку, не слыша Барлара, – собственно, если ты позволишь, Леннар, я покажу им, как можно переместиться в земли Элларкура. Кто-нибудь из вас бывал там?

– Я, – глухо ответил альд Каллиера. – И я никогда не забуду ни этого путешествия, ни этой земли, ни твоих соплеменников, наку. Для вас нет ничего святого... вы не верите в богов...

Альд Каллиера не стал говорить, что стихийная вольница наку чем-то напомнила ему нравы собственных соплеменников, тоже не желающих признавать власти Храма и не принимающих несвободы...

– Продемонстрируй им, Кван О, – с легкой улыбкой отозвался Леннар. – Прежде посмотри на навигационную схему... какие точки выхода свободны? Точками выхода, – пояснил он, глядя на Энтолинеру, – мы называем те места, в которых тоннели лифтовых шахт выходят на поверхность уровня, то есть государства.

– В Эларкуре исправны и свободны две точки выхода, одна близ Желтых болот, вторая у поселения Серых ведьм, – доложил Кван О, сверившись с мерцающим экраном навигатора и отмечая два зеленых кружка с тянущимися от них цифрами точных координат каждого.

Ох как вытянул шею Барлар, буквально пожирая глазами экран навигатора!

Тун Томиан же равнодушно взглянул на мерцающее чудо, махнул рукой и сказал:

– Ерунда, таких амулетов не бывает.

И, привалившись спиной к стене, задремал. Леннар быстро переглянулся с Кваном О, и тот, поманипулировав рычажком на пульте навигатора, вдавил панельку пуска.

Мягкого толчка, начисто съеденного магнитными гасителями инерции, не почувствовал почти никто. Энтолинера ощутила легкое, даже приятное головокружение, как от глотка хорошего вина.

– Приехали, – произнес Леннар. – Выгляните наружу, альд. Удостоверьтесь, точно ли это Эларкур, или же мы пытаемся ввести вас в заблуждение.

Каллиера вскинул остриженную голову и, нахмутив брови, произнес густо и медленно:

– Что это – шутка? Мы... вот за это время, недостаточное и для того, чтобы обежать вокруг сарая... вот за это время мы – в... там, где...

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

На тот момент, к которому относятся описываемые события, королева Энтолинера еще не взошла на трон, а правил ее любезный папаша, король Барлар.

Купить: https://tellnovel.com/krasnov_anton/kniga-bezdn

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)